

СЕРГЕЙ ЛОБАНОВ

СТАЛЬНОЙ РАССВЕТ

ПЕСКИ ЗАБВЕНИЯ

Сергей Лобанов

Стальной рассвет. Пески забвения

«Автор»

2011

Лобанов С. В.

Стальной рассвет. Пески забвения / С. В. Лобанов — «Автор», 2011

Междуземье состоит из пяти королевств: Колмадор, Аджер, Альгамр, Энгорт, Нермутан. Они постоянно враждуют между собой, объединяясь в странные союзы, причём союзники в прежних войнах могли быть врагами, а бывшие враги могут стать союзниками. Здесь нет колдовства, магии, драконов, эльфов, гномов, орков и прочих персонажей, свойственных жанру фэнтези. Междуземье населяют люди. Они разные: добрые и злые, храбрые и трусливые, благородные и подлые, жадные и щедрые, живущие в эпоху раннего средневековья. Восток для всех является неизведанной Землёй Мёмбра, отделённого от Междуземья высокими непроходимыми горами либо бескрайней раскалённой пустыней. В этом мире есть две основные религии – Откровения Предтеч и каноны Учения Трёх Великих Первопредков. По древним преданиям их в незапамятные времена принесли боги, спустившиеся с Неба. Никто не помнит, как выглядели боги, остались лишь легенды о них. Адепты одной религии смертельно ненавидят адептов другой. Кроме того в основных религиях есть различные течения, что тоже является камнем преткновения между верующими, ненавидящими не только иноверцев, но и еретиков. Войны в Междуземье обычное дело, но войны за веру наиболее кровопролитные и жестокие. Главный герой – колмадориец Эрл Сур до двадцати лет воспитывался в монастыре, после чего учитель отпускает его с добрым напутствием. Эрлу предстоит узнать, что он является сыном погибших в сражении двадцать лет назад короля Колмадора – Атуала Третьего Саорлинга и королевы Сиолы из рода Варбургов. Юношу ждут тяжёлые испытания: несчастная и безответная любовь; плен после проигранного сражения и обречение на смерть путём сажания на кол; чудесное спасение; унижительное рабство и вновь спасение; судьба наёмного убийцы и сырой каземат; новый приговор к пожизненной ссылке на галеры и освобождение пиратами; возвращение на родину и многочисленные сражения за отцовский трон с врагами, убившими родителей и захватившими Колмадор.

© Лобанов С. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	6
Глава I	8
Глава II	24
Глава III	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Лобанов

Стальной рассвет. Пески забвения

Пролог

Когда-то очень давно в Междуземье царили мир и благоденствие. Люди, не ведавшие войн, вели примитивную жизнь. Знания о Междуземье не менялись из века в век. Все продолжали верить, что оно является центром мироздания, солнце ходит по небосклону, вставая в Неизведанных Землях таинственного и мрачного Мембра. Где-то там находится вход в Эрид, куда уходят грешные тени умерших. Пройдя через весь небосклон, солнце опускается в пучины всегда беспокойного моря Энóтра.

Никому из мореплавателей-купцов, рыбаков и даже бесшабашных пиратов не удавалось достичь места, где светило прячется в солёную воду. Говорят, вода там кипит, как в котле над жарким огнём, недаром отважившиеся заплывать так далеко, никогда не возвращались.

Очень древние предания утверждают, что когда-то боги спускались с неба. Они были отстранёнными от забот предков, населявших тогда Междуземье. И лишь самые благосклонные из богов дали знания о том, что высшими божествами являются Предтечи. Благосклонные боги оставили Откровения о высших божествах и научили предков молиться им.

Древние предания также говорят, что с неба спускались и другие боги. Они тоже были отстранёнными от мирских забот и принесли каноны Учения Трёх Великих Первопредков. Когда же боги узнали, что людям даны Откровения Предтечей, то очень разгневались и убили почти всех молившихся им. Напуганные люди приняли каноны, отказавшись от Откровения. И всё же остались избежавшие кары разгневанных богов, продолжавшие тайно почитать Предтечей.

После того боги сражались меж собой на небесных колесницах, и всё небо озаряли молнии и множество огненных шаров – ярких, как солнце.

С той поры как боги покинули Междуземье и больше не возвращались, минула бездна времени. Появилось неравенство, а с ним – зависть, хитрость, подлость, злоба, ненависть. Мир нарушился. Многие забылось, многое исказилось, поистёрлась память о богах, оставив лишь смутные предания. Никто не смог бы сказать наверняка, как выглядели боги и какими в первоисточнике были знания о высших божествах. Но люди продолжали верить в каноны Учения Трёх Великих Первопредков и Откровения Предтечей, изменившиеся с тысячелетиями, обросшие культами и религиозными течениями. Служители высших божеств наставляли на путь истинный свою паству, проклиная верующих не так. Поэтому в Междуземье не утихали кровавые войны за веру, захватнические войны, междоусобные клановые войны, распри вельмож, стычки искателей приключений, авантюристов, пьяного сброда, перепившего в тавернах крепкого эля.

Тени убитых грешников уходили в мрачный Эрид, над которым покоятся суша и моря. И лишь тени редких праведников возносились в Силон, где радовались, наслаждаясь изобилием лучших яств.

Каждый из живущих полагается на острый меч, длинное копье, добротный щит, латы и кольчугу, чтобы подольше оставаться в этом мире, для чего любой готов отправить хоть в Эрид, хоть в Силон кого угодно. Если человек не трус и умело владеет оружием, то с ним считаются желающие поживиться за чужой счёт.

Много в Междуземье зла, несправедливости, подлости и других низменных пороков, овладевающих сердцах нестойких. Большие, чем добра, справедливости и чести. Каждый выживает, как может, как умеет.

Глава I

Прощание

Настоятель монастыря старый монах Ирүст Сур давал последние наставления своему ученику Эрлу Сүру. Настало ему время покинуть стены обители, где он жил и учился все двадцать лет своей жизни. Учился не только воинскому искусству, без которого выжить в этом мире невозможно, но и постигал знания о высших божествах – Предтечах и Откровениях, данных в незапамятные времена людям богами, спустившимися с неба.

Старый монах и молодой ученик сидели на вершине холма, откуда открывался красивый вид на возделанные поля, где трудились местные крестьяне, отдавая десятину урожая монахам обители, расположенной на соседнем холме. К ней с давних времён не иссякал поток пилигримов, идущих поклониться камням, видевшим богов. Из этих священных камней позже построили монастырь. Воздвигать его начали братья, уцелевшие от гнева других богов. Сначала здесь поставили скромную часовню. Потом появилась церковь на террасе, расчищенной от священных камней, подготовленных к строительству главного храма. Тогда же и произошло чудо: одному из монахов было указано на источник пресной воды, таящийся в скале. Много трудов ушло на пробитие штольни и сооружение колодца. Но зато у братьев появилась своя вода. Ранее её носили от реки, несущей воды за много лиг от будущего монастыря, и берегли как сами знания о божествах. С появлением своей воды более не существовало никаких препятствий для изоляции от внешнего мира.

На вершине, продуваемой ветрами с холодного северного моря Сенгрёта, в туман, холод или в редкую здесь жару в своём вечном уединении неутомимо молились монахи. Век за веком в исключительно суровых условиях они славили богов, продолжая дело создателей монастыря. Но покой обители не раз нарушали мирские конфликты. На протяжении многих столетий монастырь захватывали и даже частично разрушали. Братья стали изучать воинские искусства, достигнув в этом совершенства, передавая вместе со знаниями об Откровениях ещё и эти знания молодым послушникам. Когда у монастыря появилась своя защита вкупе с мощными стенами, его уже не пытались захватить и разграбить, да и приобретенный с годами статус обители уже останавливал лихих людей от святотатства.

Седобородый Ирүст с прищуром осматривал монастырские уголья. Седые волосы трепал северный ветер, дующий на вершинах холмов во все времена. На морщинистом аскетичном лице лежала печать задумчивости.

– Пришёл час, Эрл, – произнёс Ирүст, глянув на юношу, не скрывая привязанности. – Ты окреп, возмужал, стал искусен в поединке, превзойдя всех послушников и монахов, да и меня тоже. Полагаю, немалая причина этому твои предки. Я давно обещал рассказать о том, как нашёл тебя. Настал час, теперь ты вправе знать всё. Слушай же.

В те годы я уже был немолод, но ещё крепок, как и ныне. Тогда шла война между Колмадбром и Аджéром. У подножий этих холмов встретились их армии, закованные в железо, бесстрашные и жаждущие победы. Битва началась на восходе, а закончилась уже на закате. От топота десятков тысяч ног гудела земля, звон оружия, вопли ярости и боли не утихали весь день, как и дождь, ливший с утра на головы сражающихся. Красные от крови ручьи стекали с холмов, знавших более благословенные времена, видевших самих богов. Тысячи тел устилали всё вокруг, а битва не стихала, потому что сражались суровые воины приученные к лишениям и войне с самого детства, не знавшие другой жизни кроме войны, почитающие за великую честь погибнуть в битве.

Мы наблюдали за сражением и молились за погибших. А когда солнце коснулось дальних холмов, оставшиеся победители покинули это скорбное место. Мы спустились с холма, слыша

беспрерывный стон тысяч поверженных, видя в красном от заката небе десятки стервятников, слетевшихся на мрачное пиршество.

Мы бродили среди тел, стараясь облегчить муки раненых, продолжая молиться за тех, кто не увидит следующее утро. Вот тогда я и услышал детский плач. Я пошёл на него, обходя тела, слыша стоны, вслушиваясь, стараясь понять, откуда доносится плач. Я увидел особо много тел, лежащих вповалку, и понял, что в этом месте сражение было наиболее яростным. Среди этих тел на спине лежал огромный воин весь изрубленный, окровавленный. Его кольчуга больше напоминала лохмотья: так много ударов мечей и копий она выдержала, прежде чем порваться, круглый щит воина был весь разбит, а меч иззубрен. Его светлые волосы разметались по земле, а мёртвые голубые глаза смотрели на появившиеся первые звёзды. Рядом лежала белокурая женщина-воительница. Несмотря на тяжёлые раны, она была ещё жива. С удивлением я понял, что эта женщина родила несколько часов назад, то есть, прямо во время сражения. Я обратил внимание, что она лежит на круглом щите, из-под которого вдруг вновь раздался детский плач. Женщина посмотрела на меня затухающим взглядом и прошептала: «Мой сын... Мой сын Эрл...». После этого она умерла.

Под щитом я нашёл тебя, Эрл. Я дал тебе имя моего рода – Сур. Ты должен гордиться этим, потому что мой род, а теперь и твой – род благородных людей не только по рождению, но и по духу.

Ты очень похож на отца, оставшегося на этом поле. Но глаза у тебя не голубые, как у него, а серые, как у матери, тоже оставшейся здесь. Я похоронил их вон на том склоне, тебе известно это место, где лежит камень, у которого мы бывали много раз. Тогда я не говорил тебе, что это за место и зачем мы приходим туда, а теперь настал час и ты вправе знать всё.

Ты родился во время битвы, что для вашего народа считается особо почётным. Ты также крепок и силен, как твой отец, хоть и молод ещё, но с годами станешь могучее, как и он. По рождению ты колмадориец. Этот народ всегда был и остаётся народом воинов – суровых и часто жестоких, дерзких и не знающих слова «нет» по отношению к себе. Они делают, что им нужно не считаясь ни с чьими интересами. Основное их занятие – война. Они часто служат наёмниками и нередко становятся разбойниками. Они берут, что хотят и говорят что думают. Ты один из них, но отличаешься от своего народа тем, что прошёл обучение и тебе более других известны истоки Откровения Предтечей.

Я помню о высказанном тобой желании увидеть мир, мне оно понятно, ведь ты молод. Здесь, на вершине холма мы простимся, мой мальчик. Впереди у тебя целая жизнь полная опасностей и приключений. Кем быть в этой жизни, выбирать тебе. Может, ты станешь не знающим покоя странником, может, наёмником или даже разбойником, как знать? Но я до скончания своих дней буду молиться о твоём благополучии, чтобы и ты смог встретить достойную старость, ведь ты люб мне как сын, коего я вырастил, обучил всему, что умею сам, и теперь могу быть спокоен.

Вот ещё что я должен сказать тебе, мой мальчик, для этого тоже пришло время. Когда я под щитом нашёл тебя, у твоей головы лежал вот этот золотой венец, – старик извлёк из складок плаща украшение, сделанное без особого изыска, но в этой грубости изделия таилась некая энергетика таких же грубых и сильных людей, привыкших к трудностям и лишениям. – Я полагаю, что твой отец был знатного происхождения, хотя мне это неизвестно наверняка, подтвердить это никто не мог, так как войско твоего народа в той битве потерпело поражение. Даже израненные воины продолжали сражаться неистово и отчаянно, и были настолько изрублены, что умерли той же ночью, не дожив до утра. Уже позже до меня дошёл слух, что в той битве погиб король Колмадора Атуал Третий Саорлинг и его жена – королева Сиола из рода Варбургов.

Думаю, этот крупный рубин свидетельствует о том, что венец использовался не просто для поддержки волос, а у него был статус власти. Возьми его и храни как память о родителях.

Может быть, тебе удастся узнать о них больше, но предупреждаю, мой мальчик, не показывай его везде и всякому, ибо правящий сейчас наместник Мин'ук Уулк наверняка не обрадуется появлению возможного претендента на трон, если учесть, что этот венец является символом королевской власти, а твои убитые родители были королевской крови.

Если всё же ты когда-нибудь заявишь о своём возможном праве, не забудь, что в этом случае не миновать войны. Простым людям она не принесёт ничего, кроме горя. Знай, всегда найдутся те, кто под видом помощи тебе станет преследовать свою корысть и погубит ради неё не только тебя и многих, но и сам мир, если понадобится. Это очень важно, не забывай об этом и доверяй с большой оглядкой.

Кроме того, найдётся немало желающих завладеть этим украшением хотя бы из-за его ценности, как таковой. Хоть ты силен и искусен в поединке, однако должен быть разумно осторожен. Помни о моём предостережении и о главной заповеди Откровений:

«Ничего не проси и ни на что не рассчитывай, но принимай всё, что даётся. Знай, – ничто не имеет значения, кроме Откровений. Конец жизненного пути у любого живущего в Междуземье один и тот же».

Я скопил кое-что, возьми, – монах протянул юноше кожаный мешочек. – Здесь достаточно, чтобы приобрести меч и кольчугу. Всё остальное добудешь сам. Это всё, что я хотел сказать тебе, мой мальчик, – вздохнул старик и поднялся с травы. – Пришло время прощания.

Юноша тоже встал и опустился перед монахом на правое колено, протянул руки к ногам старика, склонившись почтительно, а монах положил ладони Эрлу на голову с рассыпавшимися по плечам светлыми волосами.

Затем Эрл поднялся, сложил в перемётную суму венец и мешочек с монетами, улыбнулся старику, глядя в его глаза, сказал:

– Благодарю тебя за всё, отец Ируст. Благодарю за воинскую науку и за Откровения Предтечей. Я запомнил твои наставления и всегда буду помнить о тебе. Не сердись на меня за мой выбор, ведь и ты сам не сразу стал монахом, а прошёл путь воина и побывал во многих славных битвах. Может быть, я тоже когда-нибудь вернусь сюда и попрошу у братьев разрешения присоединиться к ним, чтобы постигать далее всю глубину Откровений. А пока моё сердце зовёт меня вдаль. Прощай, отец Ируст.

Эрл не оглядываясь, пошёл вниз с холма. Старик смотрел ему вслед. Он видел, как юноша спустился в распадок, приблизился к большому камню, стоящему у подножия соседнего холма, опустился перед камнем на правое колено, склонившись, положив руки на его шершавую поверхность. После чего поднялся и, обогнув холм, скрылся за ним.

Старик тоже пошёл в обитель, спеша к очередной службе, собираясь помолиться за приёмного сына.

Путь Эрла лежал на запад, в Пиербон – столицу Колмадора. Путь предстоял неблизкий, почти через полстраны, так как монастырь находился в северо-восточных отрогах высоких заснеженных Химада́йских гор, вытянувшихся на тысячи лиг бесконечно длинной извилистой цепью, на востоке отделившей от Колмадора Аджер, на юге – Энгборт, на западе – Альга́мр.

Эти четыре державы постоянно враждовали, иногда объединяясь в странные союзы, чтобы разгромить противника. Причём в следующей войне союзники могли стать непримиримыми врагами, а бывшие противники – союзниками. Так продолжалось не одно столетие, королевские дворы плели свои политические интриги, а служители богов – свои, призывая королей обрушить на еретиков «верующих не так» или вообще исповедующих иную религию гнев богов в виде закованных в железо головорезов. И тогда лилась в сражениях кровь воинов, а в грабительских набегах кровь мирных людей. Тогда враждующим сторонам требовались наёмники, готовые за золото воевать за кого угодно и где угодно.

Колмадор и Аджер омывало холодное северное море Сенгрэта. Альгамр с запада омывало море Энотра. Энгорт морских границ не имел, но вместе с Альгамром на юге граничил с большим государством Нермутан, также омываемым с запада всегда беспокойным морем Энотра, куда каждый вечер опускается солнце. С юга Нермутан омывало Холеакейское море.

В разных концах этого мира природа отличалась также разительно, как и вероисповедания. Если на севере, в Колмадоре и Аджере было довольно холодно, снег укрывал землю по полгода, а где-то не таял вообще, то Альгамр и Энгорт уже отличались более мягким климатом, тогда как Нермутан был жаркой страной, где снега не видели никогда.

Также и люди этого мира отличались друг от друга. На севере они были белокожие, светловолосые, с голубыми, серыми и зелёными глазами. В средней полосе – в Альгамре и Энгорте уже встречались более темноволосые люди с разным цветом глаз. В Нермутане преобладали темнокожие, а дальше на юг жили чернокожие люди с карими и чёрными глазами, с иссиня чёрными копнами прямых волос, или наоборот – мелко вьющимися, тонкими и непослушными.

Весь восток для цивилизованного мира был Неизведанной Землёй Мембра – таинственного и мрачного. Где-то там вставало солнце и где-то там есть вход в Эрид, куда уходят тени умерших грешников. Многие считали, что солнце появляется как раз оттуда, проходит по небосклону и на ночь опускается в море, отчего оно кипит, а солнце немного остывает и попадает в Эрид, принося страдания теням умерших. А утром снова выходит на небо, чуть остывшее, чтобы вновь повторить всё сначала.

Мембр с юга, со стороны Холеакейского моря был закрыт от остального мира неприступными высокими горами Большого горного хребта Чентар. Лишь неширокая прибрежная полоса в несколько лиг отделяла от моря подножия возносящихся к небу гор, и чем дальше от моря – тем выше и выше, уходящих заснеженными неприступными пиками за облака. А на узкой прибрежной полосе безраздельно хозяйничали пираты, используя для укрытия многочисленные бухты изрезанной береговой линии. Там опасались появляться корабли императорского флота Нермутана. Капитаны делали вид, что никаких пиратов в Холеакейском море нет, но при этом с охотой за вознаграждение сопровождали караваны купеческих судов.

На востоке Нермутана распростёрлась бесконечная, безводная, раскалённая, непроходимая пустыня Теотиук, закрывающая путь в Земли Мембра. На востоке Энгорта и Аджера Неизведанные Земли Мембра от цивилизованного мира отделяли не менее высокие и неприступные, чем Чентар, горы Ленгаи. На севере, с моря Сенгрета, проход в Земли Мембра закрывал Каньон Монументов. Туда опасались заходить самые отчаянные авантюристы, зная о том, что до сих пор из Каньона не вернулся ни один из отважившихся углубиться в него. Говаривали разное, ходили слухи о каких-то чудовищах, вырвавшихся из самого Эрида и пожирающих смельчаков, рискнувших углубиться в Каньон.

Поэтому о Неизведанных Землях Мембра весь цивилизованный мир не знал почти ничего, кроме различных пугающих сказаний и легенд. Никто не мог заявить, что побывал в тех краях. Разве что какой-нибудь перепивший эля трепач, хвастал, что был там. Однако слушали его такие же пьяницы, как и он сам. Серьёзные люди обычно скептически махали рукой и отходили от болтуна подальше. Все знали, что нет на свете человека, ведающего хоть какой-то путь через неприступные заоблачные заснеженные горы, или через раскалённую пустыню Теотиук, или с севера через полный опасностей Каньон Монументов.

Таковым был цивилизованный мир Межд�земья. Мир, раздираемый бесконечными кровавыми междоусобными и религиозными войнами, мир, населёемый разными людьми, поклоняющимися разным богам, но по-настоящему признающими лишь одного бога – золотого тельца.

До города с названием Фэссар, стоящего на дороге в Пиербн, Эрл добирался пешком больше десяти дней, спустившись в долину с предгорья Химадайских гор, где обосновался монастырь.

Вначале его путь пролегал по побережью моря Сенгрета на запад. Кругом простирались вересковые пустоши, попадались рыбацкие посёлки, где юноша находил скромный ужин и пристанище на ночь, наблюдая за немудрёным бытом простых людей. Настоятель учил Эрла наблюдательности, что по его словам обязательно должно было пригодиться юноше в жизни.

С рассветом он отправлялся в дальнейший путь, всё больше сворачивая от моря на юг, так как стольный град располагался довольно далеко от северного побережья.

Вересковые пустоши сменились лесом. Добрые люди, встретившиеся на пути, не советовали идти одному. Лучше дождаться попутного каравана, идущего под охраной наёмников, и за небольшую плату пройти с ними через лес. Эрл пренебрёг советом. На него напали четверо разбойников, их он убил голыми руками, выбрав из чужого арсенала оружие получше: добротный прямой обоюдоострый меч и крепкое острое копьё.

Также он позаимствовал красный плащ и на правах победителя обшарил карманы поверженных, но ничего не нашёл. Одно было неплохо – он раздобыл хорошее оружие и сохранил деньги, ведь они всегда могут пригодиться для чего-то ещё. Например, для жизненно необходимой кольчуги и для той же одежды, так как его одеяние послушника не подходило для мирской жизни. А у разбойников кроме приличного плаща, явно у кого-то отнятого, ничего другого, что стоило бы присвоить, не нашлось.

Поэтому плащ до времени последовал в перемётную суму следом за кожаным мешочком с монетами и золотым венцом, его Эрл не раз успел повертеть и примерить, чувствуя непривычную тяжесть и твёрдость металла. Он старался представить венец на голове отца, и никак не мог поверить, что этот неудобный, твёрдый, тяжёлый предмет тот постоянно носил. А может, не постоянно, а только в торжественных случаях? Ответа у юноши не было.

После расправы с разбойниками он отошёл подальше от места драки и вознёс молитву богам, чтобы успокоиться. Это были первые люди, кого ему довелось убить, да ещё голыми руками, чувствуя, как содрогаются в конвульсиях тела.

Дальнейший путь через лесную чащу прошёл без происшествий.

Вскоре он увидел каменные крепостные стены Фессара. Ещё в монастыре юноша узнал немало из истории города.

Фессар стоял на пересечении главных дорог, ведущих в столицу. Помимо тех, кто шёл через город, в него стремились переселенцы, селясь общинами, согласно принадлежности к тому или иному народу или племени, когда-то объединённых завоевательными походами колмадорийцев, укреплявших и расширявших своё государство.

Подходя к каким-либо из крепостных ворот, каждый путник знал, что пришёл просить гостеприимства у основателя города и его покровителя – Идэрла Хитрого, получившего такое прозвище ещё при жизни и видевшего самих богов.

Согласно преданию, Идарл вначале принял Откровения Предтечей. Потом, когда другие боги спустились с неба и стали убивать всех, кто исповедовал Откровения, Идарл принял каноны Учения Трёх Великих Первопредков и сумел сохранить жизнь.

Когда войско колмадорийцев подошло к стенам Фессара и осадило город, Идарл был уже очень стар, а боги давно покинули людей. Идарл возвестил о своём отказе от Учения и опять принял Откровения, вновь сохранив жизнь и город вместе с его жителями.

После отказа своего правителя от веры, горожане сочли за правильное отказаться от одних богов, принять других и уцелеть от бойни. Колмадорийцы, ярые приверженники Откровений Предтечей, обязательно устроили бы её при захвате города. А так всё обошлось без

крови. К тому же Идарл выдал свою поздно рождённую дочь от одной из многочисленных наложниц за военачальника колмадорийцев.

В память о том, как был спасён город, заложили храм Предтечей. Люди ежегодно раскидывали у храма огромные шатры и несколько дней выражали радость обильными пиршествами, музыкой, танцами. Торжества проводились за счёт артелей богатых торговцев и знати Фессара. Ткачи на собственные средства украшали гробницу Идарла покровом из расшитого золотом шёлка, купцы, кожевенники, красильщики, чеканщики, кузнецы, сапожники приносили в дар жертвенных быков. Так благодарные жители почитали память усопшего, принявшего новую веру и спасшего город и жителей от неминуемой резни.

Из века в век Фессар рос и укреплялся, оставаясь верным вассалом колмадорийцев, поддерживая их во всех войнах и обороняясь от набегов иноземцев. Так как он находился на пересечении наиболее удобных путей, то и торговля здесь шла бойкая. Караваны один за другим входили в город или покидали его через многочисленные крепостные ворота.

Войдя в Фессар под бдительными взглядами стражников, несколько удивлённых тем, что человек в одежде послушника вооружён, Эрл направился на базарную площадь, каковая имела в каждом уважающем себя городе. А в большом торговом и ремесленном городе таких площадей и базаров несчитано. Там можно купить всё, что захочется, только плати звонкой монетой.

По сходной цене юноша приобрёл необходимую верхнюю одежду, добротную обувь и купил отличную кольчугу, набранную из мелких колец. Стальная рубашка оказалась настолько хороша, что за неё пришлось выложить почти все монеты. Она собиралась в небольшой и увесистый рулончик и вполне могла поместиться в той же перемётной суме, но Эрл, прежде чем надеть купленную одежду, нырнул в стальную рубашку, с лёгким звоном осыпавшуюся вниз. Одежда и красный плащ укрыли поблёскивающую на солнце защиту. Теперь Эрл ничем не отличался от многих горожан, снующих по базарной площади.

Продолжить дальнейший путь в столицу юноша собирался утром. А пока решил провести приближающуюся ночь в какой-нибудь таверне. Заодно там же подкрепиться на жалкие остатки монет затерявшихся в складках изрядно похудевшего и полегчавшего кожаного мешочка.

Таверна гудела от гомона многочисленных посетителей.

Компания дородных купцов в богатых одеждах отмечала удачно окончившийся базарный день. Неподальёку пристроились их телохранители, без них купцам довольно опасно появляться где-либо: всегда найдётся немало желающих поживиться добром торговца. Телохранители ничего не пили, а лишь с мрачным спокойствием осматривали таверну, контролируя любого, казавшегося им подозрительным. По этой причине группа как раз подозрительных типов, не менее мрачных чем телохранители, упорно не смотрела в сторону купцов, но типы не оставили своего намерения очистить содержимое карманов торговцев. Охрана в данном случае не помеха: здесь всё решает умение владеть мечом, тёмная улица и отсутствие зевак. Однако время для этого ещё не пришло, вечер только начинался.

В другом углу несколько наёмников развалились за грубо сколоченным пустым столом. Дела их в последнее время шли не очень, средства закончились, им была нужна работа, поэтому они с надеждой ждали приближения ночи, когда грабители нападут на купцов и перебьют телохранителей или наоборот те перебьют грабителей. Тогда сами наёмники подключатся к делу, добьют остальных и предложат купцам свои услуги. Деваться торговцам будет некуда, придётся или соглашаться или расставаться с добром, а заодно и с жизнью, чтобы не донесли потом. Выбор купцов здесь очевиден. А может быть, кто-то раньше наймёт их, мало ли кому могут понадобиться услуги крепких ребят, побывавших не в одном сражении?

В тёмном закутке два странствующих монаха в длиннополых пенулах – плащах серого цвета с откинутыми с голов капюшонами вкушали скромную пищу, запивая её простой водой.

Эрл пристроился неподалёку от них за небольшим столом у шершавой холодной каменной стены, чувствуя с соседями некое единение, хоть и не были они знакомы.

Другая группа посетителей шумно отмечала какое-то событие, со стуком сдвигая большие кружки с плещущимся пенистым элем, запивая куски едва прожёванного жареного мяса.

Остальные столы в зале таверны занимала прочая разношерстная толпа – жующая, пьющая, весело смеющаяся, что-то обсуждающая, о чём-то спорящая.

За исключением монахов все были увешаны оружием. Даже у купцов на поясах висели внушительные кинжалы. Да и монахи не выглядели людьми, кого можно безнаказанно обидеть. Если кто-то из таких, ему не место в подобной таверне. С наступлением темноты такому человеку лучше укрыться в своём жилище и ждать наступления следующего дня, а он вполне может стать последним, ибо ничто не вечно, особенно в мире, где сила и острый клинок определяют всё.

По ночам то и дело слышался звон мечей, разносящийся тревожным эхом по узким кривым улочкам. Доносились крики сражающихся, металась пляшущие тени по стенам домов с наглухо закрытыми крепкими ставнями и запертыми мощными дверями. Ещё не уснувшие, а иные, наоборот, продрав глаза, чутко приныкали к дверям и окнам, вознося молитву богам, что это случилось не с ними, успевшими загодя запереться в своих жилищах.

Оказывавшиеся поблизости стражники спешили на помощь, но чаще находили убитых, уже обобранных до нитки, а от разбойников и след простыл. Когда же лихих людишек удавалось схватить, их отправляли в сырую темницу, а оттуда на эшафот. Там, на городской площади, всегда собирались зеваки готовые поглазеть на очередную казнь. Как правило, разбойникам отрубали руки, а потом головы. Тех же, кто был известен и совершил немало злодеяний, ждали изощрённые казни: как-то ломание костей, сдирание кожи, сажание на кол, кипячение живьём в котле с маслом, и прочие ужасы, до коих так охочи добропорядочные подданные королевства. Пока зеваки глазели на жуткое зрелище, карманники не теряли время даром, освобождая карманы простаков. А заплочных дел мастера меж тем проявляли нешуточную изобретательность в своих страшных профессиях, оправдывая потаённые ожидания зрителей, глазующих на казни со смесью ужаса, любопытства, содрогания, а потом обсуждающие увиденное в узком семейном кругу.

Таверну распирали густой запах эля, жареного мяса и угрозы, всегда сгущающейся с наступлением сумерек и ночи – времени, когда почти безраздельно властвовали лихие людишки, стерегущие припозднившихся путников, подвыпивших бездельников, бредущих по тёмным улицам домой, случайных прохожих, вдруг зачем-то вышедших в ночь из дому.

На грубо сколоченных столах стояли светильники, заправленные маслом. Огоньки слабо освещали помещение и посетителей, сгущая тени там, где светильников было мало или не было вовсе. Неверный колеблющийся свет выхватывал из полутёмного помещения засаленные патлы, быстрые колючие взгляды, грубые лица с часто встречающимися на них шрамами. Эти лица не обременял интеллект, скорее, наоборот, на них лежала печать если не скудоумия, то приобретённой с годами хитрости, звериной осторожности, готовности нанести удар кинжалом в спину доверчивому простаку.

Двое играли в кости. Несколько человек, прихлёбывая эль, наблюдали за игрой, где одному отчаянно не везло и он, уже скрипящий зубами, глядя в алчное лицо второго игрока, сжимал рукоять кинжала, висящего на поясе. Второй же, алчный и насмешливый, зная, что под одеждой у него тонкая крепкая незаметная другим кольчуга, тряс стаканчик с дробно стучащими костями, и всё подмечал. Готовый к тому, что удар кинжалом может угодить ему не в грудь, а в незащищённое горло, он уселся на скамье так, чтобы при первом же выпаде уклониться, а потом с полным на то правом перерезать глотку нападшему.

Хозяин таверны, чувствуя, что дело идёт к поножовщине, сделал незаметный знак одному из своих помощников. Тот, не привлекая к себе внимания, выскользнул на улицу и, поглаживая рукоятку меча, прихваченного на всякий случай, побежал к ближайшему посту стражников, чтобы позвать их на помощь. Хозяин таверны, добропорядочный горожанин, всегда поступал так, считая, что хорошие отношения с властью важнее каких-то там посетителей, которым обязательно не понравится появление стражников. Иногда случалось так, что стражники запаздывали, а кутерьма поножовщины уже всюду гуляла по таверне, с грохотом переворачивая столы, скамьи, опрокидывая светильники, бьющиеся глиняные блюда с едой, кружки с элем, сбивая кого-то с ног, топча лежащих, заливающих своей кровью неровный каменный пол... Тогда хозяин выхватывал из-под прилавка внушительную палицу и крушил всех подряд, самостоятельно наводя порядок. Однако подобное не приветствовалось законом, во всяком случае, официально, поэтому владелец питейного заведения лишь изредка позволял себе подобные вольности, полагаясь на быстроту стражи. Сами стражники в этом тоже были заинтересованы: если они успевали вовремя, то сытный ужин и хороший эль им были обеспечены.

Игра в кости продолжалась. Тот, кому везло больше, перестал трясти стаканчик и в очередной раз высыпал на стол кубики, разлетевшиеся по грубым доскам, до черноты отшлифованным тысячами локтей. Первый вперился в кости. Увидев невыгодную для себя комбинацию, он резким движением выхватил из ножен кинжал и в стремительном выпаде ударил напарника по игре в горло остро отточенным лезвием. Удар вооружённой руки протянутой через стол пришёлся в пустоту: второй игрок уже был на ногах, со стуком опрокинув скамью. С силой прихлопнув к столешнице вытянутую руку противника, он своим длинным кинжалом ударил его в горло и тут же отдернул руку. Замершие на секунду посетители слышали хрип: «Х-х-х...», из пробитой глотки кровь толчком плеснулась на стол, а смертельно раненый игрок упал на него грудью, так как первый продолжал прижимать его руку к столешнице. Победитель с хищным оскалом сверху вниз смотрел на дёргающуюся в агонии жертву, чья кровь тёмной маслянистой лужей щедро растекалась по чёрным доскам.

В таверне воцарилась мертвящая тишина, слышалось лишь жужжание вездесущих мух, падение капель из опрокинувшейся кружки с элем, да потрескивание колеблющегося пламени в масляных светильниках.

Спустя мгновение, тишина взорвалась возбуждённым разноголосием. На победителя бросились двое друзей убитого, обнажив клинки. Защищаясь, игрок пнул валяющуюся скамью в ноги нападающим. Те запнулись и полетели на каменный пол. Одному игрок с силой хлётко врезал сапогом по лицу. Перепрыгнув через обоих, он свалил на них ещё и стол с лежащим на нём телом убитого игрока. Из светильника вылилось загоревшееся масло и жадно плеснулось пламенем на сапоги посетителя. Тот отчаянно запрыгал, стараясь сбить пламя, толкнул впопыхах кого-то ещё. Возмущённый пьяный сосед с силой оттолкнул горящего, полетевшего на других...

Подогретый пенным элем народ схватился за мечи и ножи...

Странствующие монахи торопливо забубнили молитвы.

Вал начавшейся поножовщины мгновенно докатился до Эрла. Он вскочил из-за стола, схватил прислонённое к стене копьё. Держа его горизонтально у груди, принялся древком отбиваться от толкучки дерущихся, орущих, падающих, окровавленных...

В таверну ворвались призванные на помощь стражники. Один пронзительно загудел в небольшой рог, тем самым извещая о прибытии представителей власти и призывая всех к порядку. По существующим в королевстве законам после этого стражникам разрешалось применять оружие и убивать всех, кто не бросит на пол свои мечи и кинжалы. Если же драчуны выполняли требование, то стражники арестовывали зачинщиков для дальнейшего разбора и наказания виновных.

Наиболее трезвые бросили звякающие о каменный пол мечи и кинжалы, но некоторые продолжали драться. Стражники, обнажив клинки, ворвались в этот клубок, разя всех подряд...

Совсем скоро пол таверны залила кровь, усыпали тела убитых и раненых в драке, убитых стражниками.

Понимая, что теперь здесь до утра уже не будет никакого покоя, Эрл поднял копьё, брошенное на пол со звуком рога, повесил через плечо перемётную суму, поправил держащийся в ножнах меч и направился к выходу.

Он не успел сделать и нескольких шагов по тёмной улице, как его остановил властный окрик:

– Остановитесь, господин!

Юноша повернулся на голос и увидел стражника, вышедшего следом.

– Почему вы покинули таверну, господин? – спросил стражник.

– Я не являюсь зачинщиком драки, господин стражник, поэтому решил уйти.

– А кто сможет подтвердить ваши слова?

– У меня здесь нет знакомых, господин стражник.

– Раз никто не сможет подтвердить ваши слова, то, может быть, найдётся тот, кто их опровергнет? Поэтому вернитесь.

Стражник, как представитель власти, говорил непререкаемым тоном.

Эрл совсем не собирался портить отношения с властью, поэтому спокойно вернулся. А стражник встал в дверях, чтобы уже не выпустить никого.

Зачинщика драки выявили быстро. Он был мёртв, а вот убивший его не пострадал. Может быть, благодаря своей спрятанной под одеждой кольчуге, ведь он дрался до самого появления стражников.

Хозяин таверны подтвердил слова посетителей о том, что зачинщик мёртв. Стражникам оставалось только забрать второго игрока и тех, кто совершил убийство в самой драке. Но никто не мог или не хотел показать на других, потому как каждый, так или иначе, наносил удары кинжалами и мечами.

Поэтому стражники остановились на втором игроке. Ему предстояло выплатить штраф в казну города за убийство в драке. Если монет не найдётся, то пойманного приговорят к тюремному заключению на один год и посадят в сырую затхлую темницу на скудную пищу. Но такое случалось редко. Понятное дело, никто не желал подобной участи. Обычно до темницы вообще не доходило, разве что в отдельных случаях, а так люди откупались практически сразу же, произведя расчёт с самими стражниками, бывшими не прочь подзаработать и потихоньку замять нехорошую историю.

Уходя, стражники прихватили добрый кувшин хорошего эля и вместительный глиняный горшок жареного мяса.

На выходе стражник, указывая рукой на Эрла, сказал своему начальнику:

– Этого возьмём тоже.

– Зачем? – удивился старший. – Разве он зачинщик?

– Нет, не зачинщик. Но он хотел уйти до того, как виновного определили. Не нравится мне это, нужно проверить его как следует. Вдруг это лазутчик из Энгорта?

– Отдайте оружие моим людям, господин, и идите вперёд, – распорядился начальник стражи, властно глядя на Эрла.

Тому ничего не оставалось делать, как подчиниться. Он отдал копьё и меч стражнику и вышел из таверны следом за игроком.

Выходивший последним начальник стражи обратился к хозяину таверны:

– Ты знаешь, что делать, дружище. Если среди твоих посетителей некому позаботиться об убитых, позаботься о них сам. Всё, что найдёшь на них – твоё.

Пройдя по тёмным кривым улочкам с гулко разносящимся эхом шагов и бряцанием оружия, вся процессия пришла на пост. Там Эрла и игрока развели по разным помещениям.

Вскоре Эрл в небольшом окне увидел силуэт откупившегося, отпущенного игрока.

Остальные стражники, что уводили виновного, вошли в помещение, где находился юноша. Они довольно улыбались и тут же поделились с товарищами откупом, рассказав его по карманам.

Начальник пристально уставился на юношу.

– Кто таков? – спросил он.

– Меня зовут Эрл Сур.

– А меня – главный советник наместника, – усмехнулся начальник стражи. – Кто подтвердит, что это твоё имя и что ты не лазутчик из Энгорта?

– Я не лазутчик, господин стражник, – ответил Эрл спокойно.

– Ты горожанин?

– Нет.

Остальные стражники расплылись в наглых улыбках.

– Ясно, – произнёс начальник стражи. – Что будем делать?

Юноша стоял молча.

– Что молчишь, Эрл Сур? – с ухмылкой поинтересовался старший.

– Что ты хочешь услышать от меня, господин стражник?

– Как собираешься рассчитываться?

– За что? – удивился юноша.

– Как за что? – тоже «удивился» его собеседник. – Ты убил зачинщика драки.

– Это ложь, господин стражник. И вы все знаете об этом. Убийцу зачинщика драки только что отпустили.

– Нет, Эрл Сур или как там тебя, – проникновенно ответил старший. – Мы все знаем, что зачинщика драки *убил ты*. Но мы можем и помочь, если тебе есть чем рассчитаться. Давай, выкладывай, что у тебя в перемётной суме.

Юноша не пошевелился.

Начальник стражи недовольно поморщился и, глянув на одного из своих, мотнул головой в сторону Эрла. Тот начал приближаться и уже взялся за суму, но юноша стальными пальцами схватил подошедшего за нос и крутанул его, вывернул стражнику шею, заставил со стоном опуститься на колени. Затем мощно стукнул поверженного лбом о каменную стену. Остальных налетевших Эрл сильными ударами кулаков сбил с ног. Он собрался уже уходить, как вдруг услышал жалобный голос, донёсшийся из плохо освещённого светильником закутка:

– Господин, не оставляйте меня...

Юноша пошёл на голос, вглядываясь в полумрак плохо освещённой комнаты. Перед ним прорисовалась массивная решётка, полностью перегораживающая этот закуток. Сначала Эрл увидел пухлые короткие пальцы, судорожно сжимающие прутья, а затем бледное лицо невысокого полного человека в просторных ниспадающих одеждах, делающих его ещё полнее. Почти лысая с венчиком седеющих редких волос голова незнакомца, казалось, просто лежит на одутловатых плечах – настолько он был толстым, что шеи не видно.

– Господин, выпустите меня, – жалобно попросил незнакомец.

– Кто вы и почему я должен помогать вам?

– Меня зовут Римар Жункей. Я купец, я ничего незаконного не совершал, оказавшись здесь по недоразумению. Помогите мне выйти, господин, поверьте, в долгу я не останусь.

– Как же я отопру решётку?

– Ключ у начальника стражи, господин.

Эрл вернулся к поверженным, подающим слабые признаки жизни, склонился к начальнику, отцепил от пояса связку больших ключей. Подошёл к решётке, покопался, подбирая ключ

на звякающей связке, провернул лязгнувший замок, со скрипом отворил тяжёлую решётчатую дверь.

– Благодарю вас, господин! – вполголоса воскликнул Жункей, опасливо косясь на стражников, уже делающих пока неудачные попытки подняться. – Нам нужно поспешить!

Они вдвоём покинули помещение. По пути Эрл прихватил свой меч и копьё, оставленные стражниками внутри у входа.

Беглецы канули в темноту спящего города. Стараясь не шуметь, они быстрым шагом удалялись от поста.

– Куда мы идём? – поинтересовался Эрл.

– Я знаю одно безопасное место, мы временно укроемся там, господин Сур. Да-да, не удивляйтесь, я слышал, как вы называли стражникам своё имя. Предъявленное ими обвинение против вас достаточно серьёзно при условии, что представители власти не станут закрывать на это глаза, а захотят провести показательную расправу. Кроме того, вы напали на стражников. А это жестоко карается. В то, что вы убили зачинщика драки, я мало верю, но нападение на стражников я видел сам. Но, конечно же, я не выдам вас, господин Сур. Римар Жункей не из тех людей, кто забывает доброту.

– Как же вы оказались за решёткой, господин Жункей? – спросил Эрл.

– Очень просто. Я приехал в Фессар по своим торговым делам и случайно встретил бывшего кредитора. Вернее, он считает себя кредитором. Однажды он поставил мне некачественный товар, за который я частично рассчитался, а когда понял, что товар плох, не стал отдавать остальную часть стоимости. И вот мы встретились. Этот бесчестный человек воскликнул, что я вор, не возвращаю ему долг. Поблизости оказались стражники, они схватили меня и привели сюда. Так как у меня при себе оказалось недостаточно, по их мнению, денег для купца, они заперли меня и требовали, чтобы я написал им долговую расписку. Я отказывался, но воля моя была на исходе. Если бы не ваше появление и столь быстрая расправа с бесчестными людьми, мне пришлось бы написать эту расписку.

– А где же ваши телохранители, господин Жункей? В наше время купцам путешествовать в одиночку довольно опасно.

– Вы правы, господин Сур. Сюда я приехал пустым, под видом обычного путника, за небольшую плату присоединившегося для собственной безопасности к одному из караванов, шедших в этот город. Здесь я собирался приобрести кое-что и для спокойного возвращения нанять подходящих для этого дела парней. Но, так как у меня случилась неприятность со стражниками, о покупке товара придётся забыть и уходить опять пустому, лишь бы покинуть Фессар. А на пути домой я что-нибудь всё равно приобрету.

– Где же вы живёте?

– Мой основной, скажем так, дом находится в Пиероне, но я нечасто бываю там, так как постоянно нахожусь в разъездах по торговым делам. Сейчас как раз тот случай, когда я собираюсь побывать дома и доставить в свои лавки партию товара.

Они продолжали идти по тёмным улицам. Римар Жункей на коротких ногах семенил следом за Эрлом, постоянно делая ускорения, чтобы нагнать широко и быстро шагающего рослого спутника.

Неожиданно для них из-за поворота вышли четверо вооружённых мечами и кинжалами типов весьма напоминающих разбойников, отправившихся в ночной город в надежде на поживу. И вот пожива сама пришла в руки. Купец, а это именно он, так как одежды говорят об этом прямо, в сопровождении всего лишь одного телохранителя. Какая самонадеянность!

– Похоже, это грабители, господин Сур, – прошептал Жункей, останавливаясь.

– Эй, вы двое! Выкладывайте всё ценное, да поживее, если хотите жить! – крикнул один, сделав знак своим людям рассредоточиться для нападения.

– Лучше вам уйти, господа, – спокойно ответил Эрл. – Тогда вы сохраните свои жизни, а о наших мы с моим спутником позаботимся сами.

Не слушая его, разбойники начали замыкать кольцо, чтобы не дать жертвам ускользнуть.

Эрл перехватил копьё поудобнее и мощно бросил в главаря. Бросок был настолько силен, что разбойник отлетел назад. Копьё ударило его в грудь и пробило насквозь. Главарь рухнул замертво.

Остальные, оставшись без вожака, немного растерялись, но понимали, что их всё же трое против одного, к тому же второго копья, которым телохранитель так хорошо владеет, у него нет, а мечом он орудует, возможно, не так виртуозно. Обнажив клинки, грабители с трёх сторон бросились на Эрла, тоже выхватившего меч и вставшего в позицию.

Юноша не один год тренировался в монастыре искусству рубки на мечах и против одного противника, и против нескольких. В этом он достиг очень хорошего результата, превзойдя даже самого настоятеля. Первый разбойник умер, едва успев добежать до Эрла, как тот сделал резкий выпад и проткнул грабителя насквозь, как и его главаря.

У второго Эрл выбил меч и нанёс рубящий удар в область левого плеча и шеи, разрубив врага до середины грудной клетки.

Третьему разбойнику юноша отрубил голову, глухо стукнувшуюся о каменную мостовую, откатившуюся в сторону. Следом тяжело осело обезглавленное тело, повалилось набок. Кровь из страшной раны толчками плескалась на камни, находя дорожки в стыках и углублениях.

Стычка закончилась, не успев разгореться и перерасти в клубок горячей схватки.

Римар Жункей, съёжился у стены и во все глаза смотрел на молодого спутника, шутя разделавшегося с четырьмя вооружёнными разбойниками здесь, а чуть ранее – голыми руками с несколькими стражниками. В его практичной купеческой голове уже зрел план.

– Надо уходить быстрее, пока не появился какой-нибудь отряд стражников, – торопливо заговорил купец, отлепляясь от стены. – Здесь уже недалеко, мы почти дошли, поторопимся, господин Сур.

Эрл тщательно вытер свой меч об одежду одного из убитых, вложил его в ножны, подошёл к главарю, вырвал из его груди копьё и тоже тщательно вытер наконечник об одежду разбойника.

– Вот теперь мы можем идти, господин Жункей, – произнёс юноша.

– А вы очень хладнокровный человек, господин Сур, – хмыкнул купец. – Однако действительно, нужно уходить.

Они продолжили свой путь, не встретив более никого. Подойдя к массивной деревянной двери, обитой стальными полосками с заклёпками, Римар Жункей постучал условным стуком. Через недолгое время в двери открылось небольшое окошечко, мелькнул свет. Окошечко снова захлопнулось, послышался скрежет запоров, дверь нешироко приоткрылась. В проёме возник человек с мечом в правой руке и горящим светильником с колеблющимся пламенем, в левой.

– Господин, мы уже потеряли вас, не зная, что и думать, – взволнованно произнёс человек, открывая дверь шире, делая шаг в сторону, пропуская купца.

Жункей по-хозяйски зашёл и сказал:

– Этот юноша мой спутник. Принеси нам мяса и некрепкого эля, мы будем в большой комнате. И поторопись, я очень голоден. Думаю, что мой спутник тоже.

– Уже несу, господин, – ответил человек, с лязгом запирая дверные засовы.

Мясо и эль у купца оказались куда лучше, чем в таверне. Хорошо поужинав и слегка затуманив головы отличным элем, новые знакомые откинулись на высокие резные спинки массивных деревянных стульев, коих оказалось десять – по пять с каждой стороны длинного, тоже деревянного стола изготовленного, как и стулья, из массива дерева мастером своего дела.

Всё помещение, освещённое множеством светильников, принесённых по требованию хозяина, представляло образчик деревянного зодчества скомпонованного с обработанным

диким камнем. Мастера потрудились на славу, создав атмосферу уюта, совместив тепло дерева с холодом камня.

Обмыв руки в поднесённой слугой чаше, Эрл поинтересовался:

– Это тоже ваш дом, господин Жункей?

– Да. Но и здесь я бываю нечасто, – ответил купец, так же омывая руки в другой чаше. – Мы встретились по воле богов. Им угодно было послать вас мне на помощь. Позвольте узнать, что вы делаете в этом городе? Вы, несмотря на ваше платье, не похожи на обычного горожанина, поверьте моему намётанному глазу, привыкшему определять, выгодный ли передо мной покупатель или нет. Вы, господин Сур, принадлежите к числу людей живших в отдалении от мирской суеты, может быть даже в затворничестве. При этом вы отлично владеете и руками, и оружием, это позволяет предположить, что часть вашей жизни прошла в одном из северо-восточных монастырей, расположенных в отрогах Химадайских гор на границе с Аджером, славящихся своими традициями в изучении воинских искусств. Я прав?

– Да, вы правы, господин Жункей. Вся моя жизнь прошла в монастыре Синарт, где я был послушником, постигая Откровения Предтечей и воинскую науку. Я решил посмотреть мир и получил благословение настоятеля. Пока мой путь лежит в Пиерон.

– Какое замечательное совпадение! – воскликнул купец. – А что вы собираетесь делать в столице, господин Сур? – вкрадчиво спросил он.

– Особой цели нет, разве что попытаться узнать побольше об одной вещи.

– Если вы хотите что-то узнать о какой-либо вещи, то лучшего знатока вам не найти, поверьте мне, мой юный друг. Надеюсь, вы не возражаете против такого обращения к вам?

– Нет, не возражаю, господин Жункей.

– О какой вещи идёт речь?

Эрл потянулся к суме, висевшей на спинке стула, и достал венец.

Раскрасневшийся от хорошей еды и выпивки купец мгновенно побледнел. Подавшись вперёд, он навалился грудью на стол, вперился в украшение.

– Откуда у вас это, господин Сур?! – прошептал Жункей, бросив испуганный взгляд по сторонам.

– Этот венец принадлежал моему отцу. Настоятель нашёл меня на поле битвы, которая состоялась у стен монастыря двадцать лет назад с войском аджеронов. Я родился во время битвы, а мои отец и мать погибли.

– Ваш отец – погибший двадцать лет назад король Колмадора Атуал Третий Саорлинг!!! – потрясённо прошептал купец. – А ваша мать – королева Сиола из рода Варбургов! О, боги!!! Вот что меня беспокоило с тех пор, как я получил возможность рассмотреть вас более внимательно. Вы – его отражение, только моложе пока... Я имел честь видеть короля лишь однажды ещё в молодости. Я запомнил этот венец с рубином, украшавший чело владыки, и вот сейчас вновь вижу этот символ власти и его сына, похожего на отца как две капли воды! О, боги!

Жункей безвольно откинулся на высокую резную спинку стула.

– Что так беспокоило вас, господин Жункей? – спокойно поинтересовался Эрл, в свою очередь скрывая волнение от вести, что он, оказывается, прямой потомок королевской династии.

– Вы будто ничего не знаете, мой юный друг, – скорбно качая головой, произнёс купец. – С той поры королевством правит наместник Мин'ук Уулк, ставленник аджеронов, узурпировавший власть, окунувший страну в хаос несправедливости, где добрым людям живётся тяжело, где слово «честь» почти забыто, а отвага расценивается как умение ограбить беззащитного человека.

– Отец Ируст говорил, что колмадорийцы не только народ воинов, но и наёмников, и разбойников.

– Да, это так, мой юный друг, – вздохнул купец. – В любом народе, в любой стране в Междуземье можно встретить подобных людей. Но среди колмадорийцев немало честных и благородных, как ваши родители. Хоть страна и носит название Колмадор, самих колмадорийцев осталось не так уж и много. Наместник происходит из другой народности – х́аррасов, никогда не имевших в своей истории королевских родов, они всегда были рыбаками. Эту народность, как и многие другие, колмадорийцы завоевали и включили их территории в состав королевства. Это было очень давно. С тех пор многое изменилось. Из-за постоянных войн с соседями, колмадорийцев становилось всё меньше, их женщинам пришлось выходить за мужчин из других родов. Редко сейчас можно найти чистокровного колмадорийца.

Вы же не просто из их числа, вы законный наследник трона. Считалось, что династия Сабрлингов прекратилась на вашем отце. После той битвы Колмадор ослаб, а Аджер, наш давний враг, наоборот, возвысился, сделав Колмадор своей провинцией, назначив наместника из никому не известного рода простых рыбаков, унизив, тем самым, знатные рода, остававшиеся в стране после смерти короля и королевы.

И вдруг появляетесь вы, похожий на своего отца, как его отражение в чистой воде, да ещё с символом власти Саорлингов, передававшимся из поколения в поколение. Вы совершенно один в этом мире, не имеющий влиятельной поддержки, но обладающий правом наследования. А это в вашем теперешнем положении смертельно опасно. Наместник ни за что не согласится добровольно отдать власть и это неудивительно: любой королевский трон обладает особой энергетикой. Раз севший на трон, никогда не согласится по доброй воле его оставить. Да и аджероны не захотят получить в своей провинции, каковой они считают нашу страну, воскресший род Саорлингов, ведь народ может объединиться и сбросить гнёт захватчиков.

Вот вкратце как обстоят дела, мой юный друг. Ваше появление взбудоражит всё и всех. Странно, что до сих пор никто не обратил внимания на поразительную схожесть с вашим отцом. Хотя это неудивительно. У народа короткая память. Но бесконечно так продолжаться не может. Если вас узнал я, то узнают и другие. Тогда, мой юный друг, вам несдобровать.

– Да, отец Ируст предупреждал, что эту вещь нельзя показывать всем и каждому, это может быть опасно для меня. Но настоятель ничего не сказал об опасности, поведенной вами. Он предполагал, что я могу принадлежать к знатному роду, но не знал, кто мои родители. Вы, господин Жункей, первый рассказавший мне всё, и единственный, кому я показал венец.

– Это очень хорошо, мой юный друг. Римар Жункей – человек чести, со мной многие хотят вести прибыльные дела, но я не со всяким соглашусь на это. Вы спасли меня из лап бесчестных стражников-аджеронов. Я хотел просто отблагодарить вас за спасение, рассчитавшись звонкой монетой, но сейчас хочу предложить другую помощь. Вы человек молодой, в жизни не искушённый, но уже имеющий смертельного, самого влиятельного врага, пока не подозревающего о вашем существовании. Вас непросто победить в бою, но легко обмануть словом и поступком, а ещё легче расправиться, используя власть.

– Что же вы хотите мне предложить, господин Жункей?

– Вы уже знаете, что в скором времени я направляюсь в Пиерон. Вы, как я понял, тоже намерены отправиться туда же. Мне нужен хороший телохранитель, а вам нужен умудрённый жизненным опытом человек, способный в нужное время дать дельный совет. Как я понимаю, вы собираетесь заявить о своём праве на трон, не смотря на все мои предостережения, верно?

– Не совсем, господин Жункей. Жизнь в монастыре и постижение Откровений Предтечей помогли мне усвоить одну простую истину: эта жизнь не вечна и всё – прах.

– Другими словами, вы вот так запросто откажетесь от права наследования?! – изумился купец, с любопытством разглядывая собеседника. – Большинство людей грезят о власти, борются за неё, совершая порой безумные и ничем не оправданные поступки, а расплачиваться приходится целым народам. У вас есть законное – заметьте! – законное право получить всё, о чём мечтает любой человек в королевстве: власть, влияние, богатство, возможность делать

почти всё что заблагорассудится и ни перед кем не держать ответ, ибо выше вас не будет никого. И всё это вы называете прахом?!

– Да, господин Жункей, называю. Выше любого короля есть боги и принесённые ими Откровения, – убеждённо ответил Эрл.

Купец с полуулыбкой продолжал смотреть на юношу.

– Юность! Какая замечательная пора... – вздохнул Жункей. – В юности жизнь ещё кажется безмерно долгой, а граница между белым и чёрным, добром и злом чёткая, не размытая. Лишь с годами человек начинает понимать, что именно нужно было делать в молодости и как это делать, чтобы добиться желаемого результата, но вернуть уже ничего нельзя: время и обстоятельства всегда против. В чистую и светлую пору юности этого не понять. Осознание приходит позже, когда время упущено, а годы уже пригибают к земле. Гораздо позже начинаешь задумываться о том, что если бы твою теперешнюю голову да на тогдашние плечи... То в этом случае... О-о!

Купец мечтательно причмокнул.

– Но ведь вы говорили, господин Жункей, что в моём положении смертельно опасно заявлять о своих правах, – возразил Эрл. – Да и вообще, что мне делать на королевском троне? Государственные заботы – нелёгкое бремя. Взвалить этот груз на себя теперь – это значит отказаться от задуманного. А я хотел бы посмотреть мир, насытить любопытство, набраться впечатлений, чтобы в преклонном возрасте вернуться в монастырь и попросить у братьев разрешения вновь вернуться к постижению Откровений Предтечей.

– Хорошо, что вы осознаёте грозящую вам опасность и тяжесть бремени власти, – ответил Жункей. – Большинство жаждущих её, не понимают этого, они просто рвутся к ней, а получив, ввергают всё в хаос. У вас же иначе. Неужели это говорит кровь ваших предков, много поколений вершивших судьбы подданных? Любопытно. А ваше желание вернуться в монастырь я расцениваю как жизненную неопытность и наивность, уж простите мне подобную резкость в высказывании, мой юный друг. Но со временем вы поймёте, что в жизни есть и другие радости, кроме постижения Откровений. Давайте отложим этот занимательный разговор на другое время. Уже поздно, необходимо отдохнуть, а завтра вы дадите ответ на моё предложение о сопровождении меня в Пиерон в качестве телохранителя.

Купец хлопнул в ладоши. В комнате появился тот же слуга, что отпирал дверь.

– Моя комната и комната гостя, готовы?

– Да, господин.

– Проводи моего гостя.

– Слушаюсь, господин.

Эрл, прихватив суму и оружие, ушёл следом за слугой, а Римар Жункей продолжал сидеть за столом, крепко задумавшись. Похоже, боги проявили благосклонность, послав ему этого юношу. Из него при умелом подходе можно вылепить всё, что угодно, а потом вместе с ним войти в тронный зал, став главным советником молодого короля...

Утром Эрл и Римар Жункей встретились в той же комнате, где их уже ожидал лёгкий завтрак из заправленных различными соусами овощей. Хозяин дома был по-прежнему приветлив, выглядел бодрым, много двигался, говорил, отчего у Эрла сложилось о нём впечатление, как о непоседливом человеке, несмотря на его объёмы. Казалось, если купец ненадолго остановится, то просто не сможет потом снова двигаться. Приходилось лишь удивляться его плещущей через край энергичности.

– Каково ваше решение, Эрл? – поинтересовался он после завтрака.

– Пожалуй, я откажусь от вашего предложения, господин Жункей, – ответил юноша.

Купец на секунду замер и снова ожил.

– Вы даже не хотите узнать о сумме вознаграждения за свои услуги, мой юный друг?

– Нет, не хочу.

– Но, смею надеяться, что от вознаграждения за моё спасение от стражников и грабителей вы не откажетесь, господин Сур? – перейдя на официальный тон, спросил хозяин дома.

– От этого не откажусь, господин Жункей.

Купец умело скрывал свои чувства, но всё же выглядел несколько обескуражено, что выразилось в уменьшении его двигательной активности.

– Признаюсь вам, господин Сур, я полагал, что вы примете моё предложение. Я могу узнать причину отказа?

– Всё очень просто, господин Жункей. Я со своими намерениями определился давно. Наше знакомство – случайность, она не может расстроить мои планы.

– Действительно, всё очень просто, – задумчиво повторил купец. – Наверное, так и нужно жить, тогда многие проблемы покажутся сущими пустяками. Что ж, господин Сур, позвольте ещё раз выразить вам мою признательность. Я отлучусь ненадолго, подождите меня здесь.

Купец ушёл и через недолгое время вернулся, неся в руке увесистый кожаный мешочек.

– Здесь сто монет серебром, господин Сур, – произнёс Жункей. – Это двухмесячное вознаграждение телохранителя.

Он протянул мешочек юноше.

Эрл не глядя положил его в суму.

Жункей задумчиво покачал головой и сказал:

– Непросто вам будет на первых порах, мой юный друг. Вы слишком доверяете людям. Ведь там вместо серебра могла оказаться и медь.

– В таком случае, господин Жункей, вы оставили бы о себе не самое лучшее впечатление. Сэкономив деньги, вы потеряли бы лицо в моих глазах. Вот и всё.

Хозяин дома вздохнул:

– Если бы мы все были такими, как вы, господин Сур, то мир был бы гораздо лучше. Неужели в вашем монастыре все такие?

– Конечно, – просто и легко ответил Эрл.

– Уйду когда-нибудь в монастырь и остаток дней посвящу постижению Откровений Предтечей, – снова вздохнул Жункей. – Проведу жизнь в уединении и очищении от мирской скверны.

– А как же ваша торговля? – улыбнулся юноша.

– Э-э-э! – махнул короткой полной рукой купец. – Провались она в Эрид! Устал уже. Жизнь почти прошла в этих заботах, а что толку?

За этими разговорами они подошли к двери, за ней слышался шум голосов проснувшихся городских жителей. Слуга отворил дверь, и Эрл покинул гостеприимный дом Римара Жункея. Когда дверь закрылась, купец некоторое время продолжал с задумчивым прищуром смотреть на неё, а потом вернулся в комнаты. Ему предстояло найти наёмников для дальнейшего пути. Хоть это и не такая сложная задача, на первый взгляд, но всегда есть риск нанять тех, кто вместо охраны сам обдерёт тебя до нитки. Хорошо, если живым оставят и отпустят. А могут и убить для собственной безопасности, чтобы избежать возможного преследования со стороны властей. А могут и в рабство продать. Лучше всего нанять людей по чьей-то рекомендации, что Жункей и сделал, обратившись к управляющему своего дома, как к человеку, постоянно живущему в Фессаре и, следовательно, хорошо знающему нужных людей.

Глава II

Ойси Кáуди

Шумные, многолюдные утренние улицы совсем не походили на ночные – пустынные, гулкие, тёмные, пугающие неизвестностью слабых духом и телом.

До крепостных ворот, открывающих путь в сторону столицы, Эрл добрался, лавируя между потоками горожан, снующих по своим делам. Памятуя о вчерашнем конфликте со стражниками, юноша не стал надевать красный плащ, привлекающий внимание. Дождавшись, когда через ворота пойдёт какой-нибудь караван, он пристроился к нему под недовольные взгляды наёмников, взятых купцом на охрану каравана. Один сразу подошёл к Эрлу и спросил, чего он хочет. Юноша ответил, что хочет всего лишь выйти из города. Наёмник бросил на него оценивающий, понимающий взгляд и успокоился.

Когда стены города исчезли за холмами, Эрл потихоньку обогнал караван, продолжая идти среди людей, повозок, выючных животных. Так как он вышел довольно рано, то пыль ещё не успела подняться, и это значительно облегчало путешествие. Вся эта пёстрая толпа возвращалась из города в близлежащие поселения и постепенно редела. К концу дня юноша остался на дороге один и шёл до самого вечера, не встретив более никого. Уже давно закончились возделанные поля и потянулись холмистые пустоши. Никаких селений видно не было, предстояло заночевать на открытой местности. Выбрав для этого холм повыше, а склоны покруче, Эрл забрался на его вершину и уселся, осматривая окрестности, отдалённо напоминающие отроги Химадайских гор, где остался монастырь и отец Ируст с братьями-монахами.

Вскоре после ухода Эрла из дома купца, к нему подошёл слуга.

– Господин, к тебе опять пришёл старый Лаукта.

– Что нужно ему на этот раз? – недовольно проворчал Жункей. – Впрочем, я знаю, что он хочет. Впусти его, так и быть.

Чтобы не встречать нежеланного гостя в самом доме, купец вышел к воротам, дожидаясь, когда слуга запрет их за гостем и удалится.

– Приветствую тебя, Римар Жункей, – произнёс гость.

– И я приветствую тебя, Лаукта, – степенно ответил купец. – С чем пожаловал?

– Я хочу просить об отсрочке платежа.

– Нет, Лаукта. Отсрочку ты больше не получишь, – твёрдо ответил Жункей. – Я достаточно ждал. Моему терпению настал конец. Ты знаешь, я добрый человек, но когда моё терпение иссякает, вместе с ним иссякает и моя доброта. Я хочу получить мои деньги – сто монет серебром. В Фессар я теперь не скоро вернусь. А ты уже стар, ты можешь умереть, так и не отдав мне долг.

Гость стоял с потерянным видом, не зная, куда деть руки. Его поношенные одежды, бывшие когда-то дорогими и богатыми, свисали с безвольно опущенных плеч, спутанные седые редкие волосы и столь же седую неопрятную бороду шевелил ветер, на дублёном морщинистом лице застыла унылая маска. Он не решался поднять глаза на хозяина дома.

– Не молчи, Лаукта, скажи что-нибудь, – поморщился досадливо Жункей.

– У меня есть дальняя родственница. Её родители умерли от чумы, успев отправить ко мне единственную дочь. Сейчас мне непросто содержать её. Я могу уступить девушку тебе в покрытие долга.

– Зачем мне твоя родственница? – снова поморщился купец.

– Ты знаешь, что в соответствии с нашими законами женщину можно отдать за долги, даже если она твоя жена или дочь. А уж отдать за долги дальнюю родственницу проще простого.

«Будь прокляты эти аджероны, насадившие в нашей стране такую дикость!» – мысленно воскликнул Жункей, а вслух сказал:

– Да, знаю, Лаукта. Но что я буду делать с ней? Кормить? Что она умеет?

– Она молода, стройна и красива. Ты сможешь выгодно продать её.

– Ты всегда был хитёр, Лаукта, – усмехнулся Жункей. – Ты предлагаешь мне товар вместо денег, чтобы я сам его продал? И при этом ты прекрасно знаешь, что никакая женщина не стоит столько. Значит, пытаясь перепродать твою родственницу, я не покрою свои убытки.

– Это хоть какой-то выход из ситуации, – уныло ответил гость.

– Дай, подумать, – произнёс купец. – Говоришь, она молода, стройна и хороша собой?

– Верно.

– Ну что ж. Приводи свою родственницу. Я посмотрю на неё, и если всё так, как ты говоришь, я отдам все твои долговые расписки. И не тяни с этим. Я отправляюсь в путь ещё до обеда... Я знаю, о чём ты сейчас подумал, Лаукта: если бы ты не пришёл то, глядишь, я уехал бы сам. Нет. На этот раз я уехал бы после того, как сообщил властям о твоём долге. Пусть бы тебя заперли в темницу и держали там... Иди и возвращайся скорее.

«Если он прознает, что мне нельзя соваться к стражникам, то приведёт сюда не свою родственницу, а их. И тогда я не только не получу долг, но и наживу большие неприятности, памятуя о вчерашних событиях. Провалиться тебе в Эрид, старая развалина!», – мрачно думал купец, глядя в унылую сутулую спину уходящего гостя.

Когда Лаукта привёл девушку, Жункей разговаривал с телохранителями – тремя крепкими, грубого вида парнями, увешанными оружием. У каждого на спине висел круглый выпуклый щит, держащийся на специальном ремне, перекинутом через голову. На щитах остались следы от ударов мечей, копий, дырки от стрел, выпущенных из мощных луков. При взгляде на парней и снаряжение любому становилось ясно, что их постоянное занятие – война. Они участвуют в сражениях в качестве наёмников, получая звонкие монеты, а потом бездумно тратят всё в тавернах. Когда деньги кончаются, они снова идут воевать или находят разовую, а если повезёт, постоянную работу телохранителями. Простота их одежды свидетельствовала о том, что парни не придают особого значения нарядам, предпочитая крепкую одежду в основном из выделанной кожи, она вполне подойдёт и для того, чтобы на неё надеть кольчугу. Длинные светлые волосы удерживались неширокими кожаными ремешками, не позволявшими волосам падать на выдубленные ветрами загорелые лица, не обременённые печатью интеллекта, но уже покрытые шрамами, несмотря на молодой возраст парней.

– Товара у меня нет, – говорил Жункей, – в Фессаре я ничего покупать не стал, но на пути в Пиерон ещё будут города, где я планирую приобрести кое-что, так что сначала мы отправимся налегке, платить я вам буду в четверть меньше того, сколько обычно платят за охрану груза. Когда получу товар, оплата пойдёт полная... А! – воскликнул он, увидев Лаукту со спутницей, впущенных во двор слугой. – Подойди сюда, Лаукта и подведи свою родственницу.

Когда старик и закутанная с ног до головы в дешёвые длинные светлые одежды девушка приблизились, Жункей обратился к ней:

– Как зовут тебя?

– Ёйси Кауди, господин, – ответила тихо она.

– Открой лицо.

Девушка отвела накидку.

Римар Жункей невольно замер, увидев красивое девичье лицо с нежным румянцем. Большие серые глаза с застывшим испугом и болью унижения всё же смотрели непокорно, выдавая характер – гордый и независимый. Из-под накидки выбилась прядь светлых волос.

Кивнув, купец отошёл, а девушка вновь закрыла лицо.

– Вот твои долговые расписки, Лаукта, – произнёс Жункей. – И покинь сейчас же мой дом. Более я не хочу иметь с тобой никаких дел. Прощай.

Должник, понурившись, пошёл прочь. Слуга закрыл за ним крепкую дверь. А родственница Лаукты застыла неподвижно.

«Действительно, хороша, – подумал Жункей. – Этот негодяй готов продать не только родственницу, но и всех богов, будь он проклят вместе с аджеронами, разрешившими торговлю подданными королевства. Это же не рабы-иноземцы! Невозможно представить подобное при Атуале Третьем! Аджероны окунули страну в хаос несправедливости, вернули давние времена, ещё задолго до династии Саорлингов, когда торговля людьми, а не только захваченными в войнах иноземцами, считалась нормой...»

Отдав необходимые распоряжения управляющему, купец, девушка и телохранители оседлали перекладных лошадей и отправились в путь через те же ворота, где ранее вышел Эрл Сур. На следующее утро путники планировали оставить лошадей на одном из дорожных постов у Стражей дорог, заплатив дорожную подать за уже пройденный путь, там взять других лошадей, и так на перекладных, платя на постах дорожные подати, добираться до Пиербна.

За городом в полях дул боковой ветер, снося пыль от многочисленных ног и повозок в сторону. Она тяжёлой взвесью застилала округу. Хорошего дождя не было давно, земля высохла. Сегодняшним путникам повезло: ветром пыль сносило, она не забивалась в глаза, нос, рот, не оседала на товаре, не вызывала ощущение постоянной жажды.

Римар Жункей никуда не спешил, поэтому пустил лошадь спокойным шагом. Уже скрылось небольшое селение, куда свернули последние попутчики. Купец со своими людьми остался один на дороге, петляющей по холмистой пустоши.

Когда солнце коснулось высоких холмов с крутыми склонами, Жункей отдал распоряжение о разбивке стоянки. И только все спешили, как из-за поворота дороги, скрывающейся за холмом, показался отряд всадников. Они двигались рысью, поднимая пыль. Телохранители тут же вскочили верхом, Жункей и девушка последовали их примеру. Дробный цокот копыт нарастал, уже слышался храп лошадей, но заходящее солнце, от которого приближались всадники, ещё не позволяло их рассмотреть.

Трое наёмников выстроились перед приближающимся отрядом, закрыв собою девушку и купца. Свист выпущенной из лука стрелы и её одновременный сильный глухой удар в щит одного из телохранителей не оставили никаких сомнений в намерениях приближающихся всадников: это были разбойники, промышляющие на пустынных участках дороги. Парни с лязгом выхватили мечи, удерживая коней на месте, рассредоточившись так, чтобы постараться не пропустить врага к купцу и девушке.

Началась рубка.

Лязгнули, сшибаясь, клинки, заржали кони, послышались ожесточённые выкрики, перекрывая беспорядочный топот копыт.

– Остановитесь! – отчаянно закричал Жункей. – У меня нет товара! Но я готов заплатить двойную дорожную подать! Не убивайте нас!

Трое разбойников, заливаясь кровью, почти одновременно повалились с коней. Запах крови ещё сильнее взбудоражил животных. Освобождённые, они вначале замесились среди рубки, затем вырвались и понеслись прочь. Наёмники Жункея всё ещё оставались в меньшинстве, но рубились отчаянно, привыкшие к подобному в своих многочисленных сражениях. Ещё двое разбойников обмякли в седлах, выпустив поводья, выронив оружие. Вместе с ними пошатнулся смертельно раненый в грудь выпущенной стрелой наёмник. Это вражеский лучник, нашедший, наконец, наиболее удобную позицию, выбрал момент в круговерти схватки и в поднявшейся пыли, и пустил стрелу, нашедшую цель.

Гибель телохранителя придала уверенности нападающим, но и обозлила защитников. Ещё два разбойника упали с коней. Оставшиеся двое и лучник бросились наутёк, пустив коней в галоп. Преследовать их никто не стал. Один наёмник остался в седле на нервно гарцую-

щей лошади, продолжая контролировать дорогу, второй спешился и склонился над товарищем, лежащим в пыли.

Крепкая стрела пробила грудь насквозь. Раненый уже умирал. Горлом у него пошла кровь, он несколько раз вздрогнул и затих, расслабившись. Его товарищ зарычал в бешенстве, резко распрямился и принялся добивать поверженных врагов. Чтобы не видеть этой резни, купец и девушка отъехали в сторону и отвернулись, тогда как сидящий верхом наёмник равнодушно наблюдал за расправой.

Оставаться здесь для ночлега, конечно же, никто более не собирался. Погибшего заваляли камнями чуть в стороне от дороги, и продолжили путь. С собой забрали только трёх лошадей разбойников, остальные разбежались. Связанные одна за другой, лошади спокойно шли за новыми хозяевами, позабыв о старых, оставшихся валяться позади.

Ничего ценного на разбойниках обнаружить не удалось, плохое оружие не представляло интереса, его забирать не стали, поэтому лошади шли пустыми. Поворот дороги скрыл место недавнего сражения и каменный холмик с лежащим на нём круглым посечённым щитом погибшего телохранителя. Он прошёл многие битвы вместе с хозяином, оберегая его, и сейчас остался с ним, накрыв его каменную могилу.

Несмотря на пережитый страх, Жункей уже подсчитал выгоду: во-первых, платить придётся только двум парням, а во-вторых, на дорожном посту нужно взять всего одну перекладную лошадь, так как три уже есть. Пойманных лошадей купец намеревался продать и выручить денег ещё и с этого. Это улучшило настроение Римара, но он тщательно скрывал чувства, исподтишка поглядывая на молчаливых телохранителей, ставших с потерей товарища мрачнее грозовой тучи.

Ночь уже окутала высокие холмы, сделав их ещё темнее, заставив людей стать втрое осторожнее, но их уже никто не тревожил. Топот копыт медленно идущих лошадей в ночной тиши разносился далеко, заставляя чутко настораживаться диких животных.

Эрл слышал донёсшийся шум стычки. Пристав, он вслушивался в разносящийся эхом звон мечей, крики сражающихся и ржание лошадей. Всё закончилось довольно быстро. А через некоторое время уже в темноте он слышал неторопливый цокот копыт. Острым зрением юноша увидел, как мимо холма верхом проехали небольшая группа. Остаток ночи прошёл спокойно, лишь изредка доносилось рычание диких зверей, вышедших на охоту, да жалобные крики их жертв, попавших в крепкие когти и острые зубы.

Солнце ещё не показалось из-за вершин холмов, а Эрл уже спустился на дорогу и увидел пасущуюся осёдланную лошадь. Вокруг не было ни души, приходилось лишь удивляться, как животное не стало добычей ночных хищников.

Молодой человек справедливо решил, что животное принадлежало кому-то из погибших во вчерашней стычке. Не увидев клейма, свидетельствующего, что лошадь перекладная, юноша посчитал, что теперь она по праву может стать его. Подумав, Эрл решил отправиться дальше верхом. В начале пути не хотел тратить на перекладную лошадь, а тем более покупать для себя: ведь её надо кормить отборным овсом, поить чистой водой, купать, чистить, а этого Эрл не хотел. Теперь же он решил часть пути проделать верхом, а потом продать, кому она пригодится больше и кто надлежаще позаботится о ней.

Заметив чужого, лошадь насторожилась и, фыркая, отбежала в сторону. Но, увидев в протянутой руке кусок лепёшки, подпустила чужака, всё же настороженно кося маслянистым глазом и чутко подрагивая. Подобрал с ладони шершавыми губами хлеб, животное совсем успокоилось и позволило потрепать себя по загривку. После этого Эрл поправил подпругу и вскочил верхом. Почувствовав седока, лошадь пошла мелкой рысью.

Римара Жункея и его людей Эрл нагнал лишь к полудню, естественно, не ожидая этой встречи, произошедшей на дорожном посту, где уставший купец и путники, ехавшие до утра,

нашли короткий отдых. Они как раз вновь собирались в путь, подправляя подпругу на лошадях. Пока Жункей уплачивал дорожную подать и в который уже раз объяснял стражникам, где произошло нападение и чем оно закончилось, Эрл Сур подъехал к дорожному посту.

Увидев юношу, купец усмехнулся:

– Боги никак не хотят разлучать нас, мой юный друг! Не так ли? Мы, решившие, что расстались навсегда, вновь встретились.

– Да, господин Жункей. Воля богов непостижима для людей и неведома им.

– Вы добрались сюда без приключений, Эрл?

– Да, если не считать слышанной мною на закате стычки.

– Так ведь это на нас напали разбойники! – воскликнул купец. – Но мои парни справились с ними. Мне достались хорошие телохранители, я не прогадал. Правда, мы потеряли одного, – скорбно вздохнул он. – Не хотите ли присоединиться к нам? Нет, не в качестве телохранителя, – замахал руками купец, видя, как Эрл отрицательно покачал головой, – а в качестве попутчика. Ведь вместе веселее, да и спокойнее.

– Разве что так, – согласился Эрл. – Быть попутчиком я согласен.

– Отлично, мой юный друг! – обрадовался Жункей. Он понимал, что если случится неприятность подобная вчерашней, его спутник в стороне не останется, его умения дорогого стоят, а платить не придётся. – Мы уже выезжаем. Я вижу, ваша лошадь ещё достаточно свежа. Вы правильно сделали, что решили отправиться верхом.

– Её я нашёл сегодня утром. Раз ваши парни смогли справиться с разбойниками, рискну предположить, что это одна из их лошадей. Теперь она моя, но не приложу ума, что с ней делать, ведь я не умею ухаживать за лошадьми.

– Это дело привычки, мой юный друг, – ответил Жункей рассеянно, глядя, как девушка неумело садится верхом.

– Я вижу, с вами ещё попутчица? – поинтересовался Эрл.

– Да... Так получилось, – нехотя ответил купец. – Мне её отдали за долги.

Юноша замер, ослабив поводья.

– Отдали за долги?! – поразился он.

– Да, я торговец, для меня есть деньги и есть товар, – сухо подтвердил Жункей.

– Вот как... – разочарованно произнёс Эрл. – Я был несколько иного мнения о вас.

– Вам ещё во многом предстоит разочароваться, мой юный друг, – хмыкнул Жункей. –

Уж поверьте моему жизненному опыту.

– И что вы собираетесь предпринять?

– Собираюсь продать её.

– Сколько вы хотите денег, господин Жункей? – ровным голосом спросил Эрл.

– Отдавший её, был должен сто монет серебром.

Юноша достал из перемётной сумы кожаный мешочек, тот самый, что получил от Жункея не так давно.

– Вот, господин купец, сто монет, – сухо произнёс Эрл. – Возьмите их.

– Сделка, – ответил Жункей так, как в подобных случаях полагалось отвечать, если стороны договорились.

– Сделка, – повторил юноша.

Теперь никто уже не мог отказаться от обязательств. Если подобное всё же происходило, то отказавшийся от сделки был обязан выплатить названную неустойку.

Эрл тронул лошадь. Проезжая рядом с купцом, протянул ему мешочек. Проехав дальше, остановился рядом с девушкой, понуро сидящей верхом.

– Как зовут тебя?

– Ойси Кауди, господин, – тихо ответила она.

– Ты свободна, Ойси.

Девушка вздрогнула. Убрав с лица накидку, неуверенно переспросила:

– Я свободна?..

– Да. Ты можешь поехать, куда захочешь.

– Благодарю вас, господин. Как зовут вас, за кого мне молиться богам?

Увидев залитое слезами лицо девушки, Эрл словно онемел.

– Твоего спасителя зовут Эрл Сур, – вмешался Римар Жункей.

Девушка, не поворачивая головы в сторону купца, сказала:

– Я никогда не забуду вашей доброты, Эрл Сур.

Ойси тронула лошадь и поехала обратно, в направлении Фессара.

Эрл продолжал молчать, глядя ей вслед.

– Вы поступили очень благородно, мой юный друг, – не скрывая пафоса, сказал Жункей. –

Но опрометчиво. Я понимаю её состояние. Кому приятно, когда тебя покупают и продают, как вещь? Но сейчас она поступила ещё более опрометчиво, чем вы. Ойси сирота, защитить её некому. Судя по всему, она собирается вернуться в Фессар. К кому? К своему бесчестному родственнику, отдавшему её за долги? Лошадь, на которой она едет, перекладная. Я уж не говорю о том, что за лошадь заплатил я. Проехать на ней девушка сможет лишь до ближайшего дорожного поста. Дальше ей придётся идти пешком. Одной. По безлюдной местами дороге. Как вы считаете, далеко она уйдёт?

– И всё же она уехала, – обрёл, наконец, голос Эрл. – Свобода для человека стоит на втором месте после жизни, а для многих – на первом. Она из тех, кому свобода дороже жизни. Несмотря на свою незащищённость, у Ойси сильная воля и есть характер. К тому же она красива. Я чувствую, что полюбил её. Поэтому поеду с ней. Прощайте, господин Жункей.

С этими словами Эрл припустил лошадь, догоняя девушку.

– Купец с изумлением посмотрел на юношу и произнёс вслед, вздохнув:

– Молодость...

Покачал головой и ещё раз вздохнул:

– Молодость... Что ж, мне пора.

Он сделал знак телохранителям, никак не выразившим своего отношения к происходящему, не касающегося их прямых обязанностей.

Эрл нагнал девушку и поехал рядом.

– Вы передумали, господин Сур? – спросила Ойси с тревогой.

– Нет, Ойси, я хочу просить у вас разрешения сопровождать вас и охранять.

Девушка пристально посмотрела и сказала:

– Но вы ехали в другую сторону. Почему вы вернулись?

– Это произошло по велению сердца. Мой наставник отец Ируст говорил, что я должен слушать сердце, но и не забывать про разум. Сейчас разум говорит, что я поступил правильно, а сердце подтверждает это.

– Ваша защита будет нужна, – ответила Ойси. – Вчера мы подверглись нападению разбойников. И если бы не наши телохранители, с нами случилась бы беда. Но я в любом случае уехала бы от Жункея, потому что меня насильно, неожиданно лишили свободы, унизили, глубоко оскорбили. Вы же вернули мне свободу. Однако мне нечем заплатить за охрану.

– Я готов охранять вас всю жизнь, Ойси, только скажите! – воскликнул Эрл горячо.

Девушка залилась краской и поспешила укрыть лицо накидкой.

Они ехали молча. Душа Эрла ликовала. Он ничего подобного никогда в жизни не испытывал. Сейчас он готов был отдать жизнь за Ойси, едва зная её. Но это не имело значения.

Девушка украдкой из-под накидки наблюдала за освободителем, испытывая и стыд от пережитого, и волнение от неожиданного освобождения, благодарность и любопытство к спутнику.

Наконец, Ойси первой нарушила молчание:

– Скажите, Эрл, вы колмадорец?

– Да, Ойси, – ответил юноша, чувствуя, что ему нравится произносить имя девушки.

– Кто ваши родители?

– К сожалению, мне о них ничего не известно, – ответил Эрл после некоторого молчания. – Меня воспитал отец Ируст, настоятель монастыря Синарт, расположенного в отрогах Химада́йских гор неподалёку от границы с Адже́ром. Там я был послушником, постигая Откровения Предтечей и воинскую науку. Я покинул обитель совсем недавно – несколько дней назад и хотел отправиться в Пиерб́н. Но теперь я готов следовать за вами куда угодно, хоть на край света, хоть в Неизведанные Земли Мёмбра.

При этих словах девушка почувствовала, как лицо опять обожгло жаром, радуясь, что накидка не позволяет спутнику это увидеть.

– А кто ваши родители, Ойси?

– Землевладельцы, умершие от чумы. Я плохо помню родителей, потому что была совсем маленькой, когда чума погубила их. Наши владения расположены на северо-востоке Каппадока. Сейчас они заброшены из-за чумы, никто не хочет там селиться, потому что эпидемия начинается снова, как только люди пытаются надолго осесть в тех землях. Видно, боги прокляли мой край. Владения родителей сейчас ничего не стоят. Дальний родственник, у которого я была на попечении с малых лет, тоже разорился и отдал меня купцу за долги.

– Ваши земли расположены на северо-востоке? – переспросил юноша.

Девушка согласно кивнула.

– Это исконные земли колмадорийцев! Значит, и вы колмадорийка?

– Да, мои родители принадлежали к одному из древнейших родов колмадорийцев – Варбургов, бывших сначала соперниками Сабрлингов, – с нескрываемой гордостью сказала Ойси. – А через несколько поколений, когда Саорлинги стали королевской династией, Варбурги заключили с ними союз. С тех пор оба рода поддерживали добрые отношения. Варбурги всегда были верными вассалами Саорлингов, нередко бравших в жёны девушек из моего рода, становившихся королевами.

«Вот как, – подумал Эрл, – Ойси происходит из рода Варбургов, как и моя мать, королева Си́бла, ставшая женой моего отца, короля Атуала Третьего. А этот её родственник – червь земной, отдал её в рабство!»

Словно слыша его слова, Ойси продолжала:

– Старый Лау́кта, мой дальний родственник, колмадорец лишь отчасти: кто-то из родственников по его линии когда-то был колмадорийцем, но потом произошло смешение кровей и эта линия затерялась.

– Ваш родственник настоящий мерзавец и заслуживает сурового наказания! – воскликнул Эрл.

– Да, он бесчестный человек, – согласилась девушка. – Но наказывать его не за что. По законам королевства женщину можно отдать за долги, даже если она твоя жена или дочь.

– Эти законы насаждены наместником, он во всём слушается своих хозяев из Аджера, – негодуя воскликнул Эрл. – Аджероны извечные враги колмадорийцев, они мечтают, чтобы Колмадор окончательно стал их территорией. Но не бывать этому! Они опасаются полностью подчинить Колмадор, потому что народ восстанет против этого, а большая война аджеронам не нужна. Основные свои армии Аджер держит на границе с Энгортом, опасаясь нападения с той стороны.

У нас постоянной армии сейчас нет. Химада́йские горы, отделяющие нас от Энгорта, являются ненадёжной защитой от их армий и плохо прикрывают от набегов с юга. Люди знают, что во все времена в горах существовали проходимые перевалы.

Возможные набеги энгортов на Колмадор мало беспокоят аджеронов: им бы себя защитить. С одной стороны, аджеронам даже на руку, если наша страна будет ослаблена, тогда ею

проще управлять. С другой стороны, если Колмадор будут постоянно разорять, Аджер не сможет получать дань.

Колмадорийцы в былые годы сами неоднократно нападали и на Энгорт, и на Аджер, и на Альгамр, так же, как и те нападали на нас и друг на друга, заключая и разрывая союзы, когда в этом появлялась необходимость.

– Откуда вы всё это знаете, Эрл? – спросила девушка.

– Эти знания я получил в монастыре при изучении воинской науки. Но скажите, Ойси, почему вы возвращаетесь в Фессар?

– Я и сама этого не знаю. Возвращаться к старому Лаукте у меня нет никакого желания. Но большую часть своей жизни я провела в Фессаре, нигде не была и других мест не ведаю.

– Я тоже всю свою жизнь провёл в монастыре и нигде не был. Поэтому хотел посмотреть мир и для начала отправился в Пиерон, но в Фессаре попал в неприятную историю со стражниками, где и познакомился с Римаром Жункеем. Мне кажется, в целом, он неплохой человек, но иногда купеческое в нём сильнее остального.

– Люди подвержены искушениям, – сказала девушка.

Эрл посмотрел на неё внимательно, безуспешно пытаясь за накидкой увидеть лицо, и ответил:

– Сейчас вы говорите, как отец Ируст, знающий о человеческих слабостях многое. Почему вы закрываете лицо, Ойси?

– Я стала так делать, когда узнала, куда меня ведёт старый Лаукта и что меня ждёт. Такого унижения я не испытывала ни разу в жизни.

– Постарайтесь забыть об этом, Ойси. Вы свободны. Пока я жив, ни один волос не упадёт с вашей головы. Клянусь!

– Благодарю вас, Эрл. Я очень признательна вам за поддержку. Вы говорили, что в Фессаре у вас случилась неприятная история со стражниками?

– Да.

– Вас могут искать в городе.

– Наверняка ищут. Но не поворачивать же назад. Так мы станем похожи на слепцов, потерявших поводья и топчущихся по кругу.

– Действительно, – улыбнулась девушка. – Что же делать тогда, если ни мне, ни вам в Фессар не нужно, а поворачивать и снова ехать в Пиерон – глупо?

– Поедем в город Тафакор? – предложил Эрл. – Он находится на юге, неподалёку от границы, разделяющей Каппадок и Энгорт.

– В Тафакор? – переспросила Ойси. – А почему именно туда?

– А почему нет? – улыбнулся Эрл.

– В самом деле, почему нет? – согласилась девушка, подумав. – Вы знаете туда путь?

– Нет, Ойси, не знаю, но добрые люди подскажут.

– На моей лошади я доеду только до ближайшего дорожного поста, а там придётся идти пешком, – сказала Ойси.

– Зато эта лошадь с некоторых пор моя. Вы сможете ехать верхом, а я идти рядом, – ответил Эрл. – Когда возникнет необходимость, мы её продадим, денег на какое-то время хватит. Тафакор такой же богатый торговый город, как и Фессар, я смогу найти там себе занятие, хотя бы телохранителем.

– А что буду делать в Тафакоре я? – поинтересовалась Ойси.

– Вы будете ждать моего возвращения в наш дом, – произнёс Эрл, не отрывая взгляда от девушки.

– У нас будет дом? – спросила она, никак не выражая своего отношения к словам спутника.

– Обязательно будет, Ойси. Я хочу предложить вам сердце и верность до конца моих дней.

Девушка остановила лошадь, помолчала, затем убрала с лица накидку, посмотрела на юношу и спросила, перейдя на «ты»:

– Эрл, ты хочешь, чтобы я стала твоей женой?

– Хочу, Ойси.

– Разве ты любишь меня?

– Я люблю тебя, Ойси, с той минуты, как увидел. Люблю больше собственной жизни. Я стану твоим мужем, если ты согласишься, если ты тоже любишь меня. Если нет, позволь защищать тебя, пока я жив, пока могу держать оружие.

– Я ещё не знаю, как отношусь к тебе, Эрл. Пойми правильно. Я очень благодарна за помощь и за предложение сопровождать меня. Но я не могу сказать сейчас, что люблю тебя или не люблю. Мне нужно время, чтобы понять это. Ты обиделся?

– Нет, Ойси, я не обиделся. Ведь я говорил, что готов следовать за тобой куда угодно, хоть в Мембр.

– Благодарю тебя, Эрл. Ты благородный человек, – сказала девушка.

Их внимание привлёк приближающийся топот. Из-за поворота дороги, скрывающейся за холмом, показался всадник, погоняющий скакуна крупной рысью.

Эрл перехватил удобнее копьё, выехал вперёд, навстречу неизвестному наезднику.

– Остановись, человек! – крикнул юноша. – Если идёшь с добром, назови себя. Если задумал недоброе, твоя тень спустится в Эрид! Я позабочусь, чтобы она отправилась туда немедленно!

– Дорогу гонцу! – крикнул в ответ всадник.

Эрл и Ойси посторонились, направив лошадей к обочине.

– С какой вестью спешишь, гонец? – спросил Эрл, когда всадник почти поравнялся с ними.

– Энгорт пошёл войной на Колмадор! Их армия осадила Тафакор! Я спешу в Пиерон, сообщить наместнику, чтобы он собрал войско! – крикнул всадник, не останавливаясь.

Гонец умчался.

– Что будем делать, Эрл? В Тафакор попасть мы не сможем.

– Ойси, я должен быть там. Моя родина в опасности. Мало того, что аджероны здесь творят, что хотят, так ещё энгорты решили воспользоваться временной слабостью Колмадора и разорить его, забрать часть территории. Остальное заберёт Аджер. Кроме того, ты знаешь, что энгорты исповедуют Учение Трёх Великих Первопредков и считают Откровения Предтечей вредоносными. Это значит, резни не избежать. Она уже началась там, в окрестностях Тафакора. Люди, не успевшие укрыться за его стенами, обречены.

– А как же твоя клятва быть со мной до конца жизни? – с улыбкой спросила девушка.

– Прости меня, Ойси. Но защищать свою землю – это значит защищать и тебя. Не будет Колмадора, не будет тебя, меня, не будет нашего будущего дома. Ни ты, ни я, ни другие не откажутся от Откровений Предтечей. А иного энгорты не примут. Значит, они вырежут всех. Понимаешь, Ойси? Всех. Они давно готовились к этому, копили силы, ждали, когда Колмадор максимально ослабнет.

Аджер вряд ли станет вмешиваться. Он просто потребует от Энгорта часть территории Колмадора, припугнув своими армиями. Энгорты согласятся, но потом разобьют и аджеронов, потому что вера аджеронов близка к Откровениям Предтечей, хотя они толкуют всё неверно. Но это отдельный разговор.

Аджер долго не продержится против Энгорта, если Колмадор падёт. Аджероны сейчас этого не понимают или не желают понимать.

– Есть ещё Альгамр, – сказала Ойси. – Может альгамры поддержат Колмадор?

– Я не знаю, Ойси, может и поддержат. В нескольких прошлых войнах Альгамр и Колмадор были союзниками, но в былые времена колмадорийцы воевали с альгамрами. Как будет сейчас, неизвестно. В любом случае, я должен идти навстречу энгортам и сражаться с ними.

– Если бы ты ответил иначе, Эрл, я бы разочаровалась в тебе и твоих словах. Я еду с тобой.

– Ойси, это опасно.

– Я знаю, но я люблю родину не меньше твоего. Я колмадорийка, принадлежащая к старинному роду Варбургов, из которого вышло немало будущих королев. И я не хочу, чтобы мою страну захватывали мерзкие энгорты, несущие богопротивную религию.

– Едем, Ойси, – сказал Эрл, с удивлением слушавший взволнованную речь девушки.

Они пришпорили лошадей, направив на юг. И чем дальше, тем чаще попадались спешащие навстречу беженцы, напуганные известием о вторжении. Слухи были страшны: энгорты убивали всех, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков. Плохо защищённые города уже пали, враги хозяйничают повсюду. Осаждённый Тафакор ещё держится, но ему нужна помощь.

Помощь спешила. На юг шли разрозненные группы и отряды вооружённых людей, готовых драться за свою страну. На дорожных постах с них не рисковали брать дорожные подати, никто не спрашивал, откуда та или иная перекладная лошадь. Это уже не имело значения.

Началась война.

Глава III

Сеча при Тафакоре

Лестницы и осадные башни облепили высокие стены Тафакора. Толпы осаждающих, прикрываясь щитами от стрел и камней, летящих со стен, топтались под ними, взбираясь на лестницы, подкатывали ближе тяжёлые осадные башни, где стояли вооружённые энгорты, готовые прыгать на стены, как только представится для этого возможность. Но защитники держались стойко. Они сталкивали лестницы, осыпали врагов стрелами, дротиками, швыряли камни. Катапульты метали валуны в осадные башни, разбивая их, тогда энгорты с криками сыпались вниз, ломая кости, налетая на торчащий частокол копий.

Многоголосый гул стоял над Тафакором, объятый дымами пожаров. Жители старались тушить их, но не везде успевали. Мощные осадные машины энгортов помимо камней метали большие глиняные горшки с огненной смесью, заливающей жарким пламенем городские улицы и строения. Тяжёлые валуны с треском врезались в стены, постепенно, расшатывая крепкую кладку и пробивая бреши.

В главные городские ворота с тяжёлым мерным грохотом ударялось раскачиваемое на цепях длинное толстое бревно со стальным наконечником. Вокруг тарана нападающие установили надёжные укрытия от стрел врага, благодаря чему могли не опасаясь долбить дрожащие от ударов ворота.

И всё же лучники со стен метко били неосторожно высывающихся из-за бревенчатого укрытия энгортов. Несколько раз защитники организовывали вылазки с целью разрушить это ударное приспособление. Начиналась кровавая свалка, защитники гибли, но осуществить задуманное им не удавалось.

Множество искусных лучников из войска энгортов расположились за рвом, кое-где засыпанным для провоза осадных башен и прохода воинов к стенам. Лучники укрывались за переносными заборами из нетолстых стволов деревьев, утыканных прилетевшими со стен стрелами. Нападающие тоже выискивали цели на высоких стенах и меткими выстрелами из мощных луков и арбалетов поражали защитников города.

За лучниками, примерно в двух перестрелах выстроились в цепь тяжёлые баллисты. Их скрипящие механизмы с усилием натягивали по несколько человек, затем другие сообщая подносили и клали увесистый камень и отходили в сторону. Метательная машина срабатывала, камень срывался с неё, улетаая к городу. При особо удачном попадании, когда зубчатые стены разлетались мелкими осколками, осыпаясь вниз вместе с убитыми защитниками, энгорты разражались победными криками, вновь заряжая метательные орудия.

За баллистами, приблизительно в одном перестреле располагался большой лагерь энгортов, оборудованный по всем правилам: ров, насыпь, сверху заострённый частокол брёвен. За частоколом ровными рядами стояли большие палатки, установленные в соответствии с принадлежностью к тому или иному легиону. В войске энгортов существовала чёткая иерархия и железная дисциплина, делающие войско грозной силой, несущей смерть и разрушение.

По окрестностям осаждённого города энгорты прошлись словно неводом, выловили и убили всех не успевших убежать или укрыться за стенами Тафакора. Основной причиной для уничтожения мирных людей служила их приверженность Откровениям Предтечей, тогда как сами энгорты чтити каноны Учения Трёх Великих Первопредков – единственно верное и правильное по их глубокому убеждению. Все остальные иноверцы и еретики должны принять каноны или умереть в муках.

Мирные люди не желали принимать чуждое им Учение, не хотели предавать своих богов, не могли отказаться от того, во что свято верили они сами и все их предки.

Они умирали, посаженные на колья, потому что, согласно Откровениям, боги восседали на заоблачных горах, куда никогда не ступала нога ни одного смертного.

Ну, раз ваши мерзкие боги сидят на горах, то и вы, их почитатели, будете сидеть на кольях, так вы станете немного ближе к своим богам, – считали энгорты, подвергая казни всех попавшихся.

Окрестности оказались утыканы такими кольями, на них в муках по несколько дней умирали люди. Их стоны и вопли разносились вокруг, но никто не спешил им на помощь. У несчастных торчали пробившие тела заточенные колья. Трупы разлагались на жаре, горячий ветер разносил смрад, привлекая тучи жужжащих мух, носящихся в дрожащем мареве.

Чтобы ослабить волю защитников, военачальник энгортов приказал завалить трупами животных и людей протекающую через город неширокую реку, тем самым отравив её. Сами осаждающие набирали воду выше этой безобразной, разъедаемой трупными червями смердящей горы, лежащей от берега до берега. Пробивающаяся сквозь неё вода становилась непригодной для питья. Мучимые жаждой осаждённые пытались её процеживать и кипятить. Это мало помогало, в городе вспыхнули болезни. Кроме того, не хватало еды, люди начали голодать, уже съев весь скот, какой крестьяне успели загнать за стены, спасаясь от приближающихся энгортов. Съели также лошадей, собак и кошек. Птицы уже давно не летали над Тафакором, а если какая-то залетала случайно, в неё тут же устремлялись десятки стрел.

Никто из храбрецов, рискнувших ночами пробраться из города и узнать, идёт ли помощь и когда она будет, так и не смог сделать этого. Наутро защитники со стен видели таких храбрецов посаженными на колья... С каждым днём силы обороняющихся иссякали не только от голода, но и от отчаяния и потери веры в спасение. Сдаваться никто не собирался, так как не испытывал иллюзий по поводу дальнейшей участи. По городу всё чаще стали раздаваться призывы выйти за стены и дать энгортам решающее сражение, ибо дальнейшая осада приведёт к окончательному ослаблению защитников, враги всё равно ворвутся в город и устроят резню, а утолив жажду крови, оставшихся пересажаяют на колья. Так не лучше ли погибнуть в сражении, чем мучиться от голода, жажды и болезней, а потом принять страшную смерть? Так рассуждали мужчины, а женщины, старики и дети с наполненными страхом глазами, слушали их и возносили отчаянные молитвы богам, прося послать помощь.

В двух днях пути от Тафакора на север располагался небольшой городок Динунт. Больших дорог через него не проходило, он стоял в стороне от полноводных рек, где ходили торговые суда купцов. Поэтому Динунт не мог похвастать бойкими базарами. Жили тем, что с возделанных полей свозили урожай на базары Тафакора, благо до него было недалеко.

На счастье горожан и местных крестьян войско энгортов, занятое осадой Тафакора, пока не добралось сюда, хотя люди видели их передовые конные отряды. В таких случаях стражники пускались в погони. Когда врагов удавалось настигать, завязывались стычки, из которых самим стражникам не всегда удавалось выходить победителями. Однако когда удавалось кого-то захватить, от них всегда слышали одно:

«Или вы примете каноны Учения Трёх Великих Первопредков, или умрёте в муках, а ваши города и сёла будут сожжены и разрушены».

После таких дерзких речей всем захваченным, кроме одного, отрубали головы, отдавали их уцелевшему и отпускали со словами:

«Привези их своему военачальнику и скажи, что так будет со всеми энгортами, пришедшими на земли Колмадора».

Именно возле Динунта скапливались добровольцы, спешившие на помощь осаждённым. Сюда же прибыл наместник Минук Уулк в окружении гвардии и своего двора из немногих наиболее решительных, рискнувших отправиться на войну. Остальные придворные даже под

страхом немилости всё же сослались на внезапные тяжёлые болезни, неожиданно сразившие их в столь сложный для страны час.

Даже Аджер выставил тяжёлую кавалерию – закованных в железо всадников. Впрочем, никто особо не был им рад, потому что для всех аджероны были захватчиками. Минук и его ближайшее окружение, пожалуй, оставались единственными выражавшими радость при виде своих хозяев – надменных и чванливых, считающих подданных Колмадора никчемными еретиками.

Эрл Сур и Ойси Кауди несколько дней находились среди добровольцев. Их уже насчитывалось около пятидесяти тысяч, тогда как по сведениям разведчиков, энгортов, осадивших Тафакор, было не меньше восьмидесяти тысяч. Если учесть, что в самом осаждённом городе вполне наберётся тысяч тридцать воинов, готовых выйти за стены и принять участие в битве, то силы были равны.

Войско стало лагерем у городка среди уже убранных полей. Поскольку товар крестьянам и купцам девать было некуда, они сбывали его за небольшие деньги воинам. Поэтому все остались удовлетворены: у продавцов имелась пусть небольшая, но выгода, а также защита от энгортов. Ведь они не только ничего не заплатят, но ещё и убьют всех.

Сами воины получили дешёвую еду и фураж для лошадей. Все ожидали только наместника, появившегося под звуки многочисленных рогов и труб, известивших о его прибытии. С этого времени началась активная разведка, завязывались первые серьёзные стычки с передовыми отрядами энгортов, а колмадорийцы готовились выступить на помощь Тафакору.

Эрл попал в полк пеших ополченцев, так как свою лошадь отдал Ойси, а её перекладную изъяли для нужд войска. Перед построением в походную колонну, Эрл сказал девушке:

– Я вижу твоё намерение, Ойси. Даже не думай. На место сражения ты не поедешь. Никаких доводов с твоей стороны я не принимаю. Ты останешься здесь и будешь ожидать меня с победой. Если вдруг случится так, что я не вернусь, не горюй обо мне.

– Не говори так, Эрл. Ты обязательно вернёшься невредимый и с победой. Я верю в это.

– Вот и хорошо. Лошадь оставляю тебе, в бою она только помешает: наездник я не особо искусный, мне гораздо удобнее сражаться пешим.

– Я тоже не привычна к лошадям, – ответила, стараясь улыбаться, девушка, но тревога в глазах выдавала её. – Что мне с ней делать, пока тебя не будет?

– Сохраняй её, пока не узнаешь исход сражения.

– Как же ты будешь сражаться без щита, шлема, Эрл? – задала девушка больше всего беспокоящий её вопрос.

– Не бойся, Ойси. У меня есть кольчуга, уже неплохо. Щит и шлем, конечно, не помешали бы. Но где их взять? Посмотри, многие ополченцы экипированы ещё хуже. У меня есть копье и меч, ими я неплохо владею, а они вооружены кто чем, и вовсе не похожи на воинов. Все они, за редким исключением, крестьяне и горожане.

– Я вижу, какое у них оружие, – вздохнула девушка. – Но я не за них беспокоюсь, а за тебя, понимаешь? Говорила же: давай, продадим лошадь, чтобы купить необходимые доспехи. Почему ты отказался?

– Потому что тебе может пригодиться лошадь.

– Что ты хочешь сказать этим, Эрл?

– То, что мы можем не победить в этом сражении. Тогда энгорты придут сюда. Тебе понадобится лошадь, чтобы спастись.

– Почему у тебя такие плохие предчувствия, Эрл?

– Потому что в этом войске очень мало воинов, сама видишь. Храбрецов полно, но против энгортов – смелых, дисциплинированных и искусных в бою этого недостаточно. Наместник

привёл мало воинов, а аджербонской коннице я не верю вообще. Рисковать своими жизнями за него и за Колмадор они не станут.

Эрл вздохнул.

Затрубили трубы и зазвучали рога, зовущие к выступлению.

– Мне пора, Ойси, – сказал юноша.

– Возвращайся с победой, Эрл. Я буду ждать тебя здесь.

Юноша пошёл не оглядываясь. А Ойси смотрела вслед без слёз, но сердце её предчувствовало беду, особенно после слов Эрла о плохой готовности войска колмадорийцев и о том, что ей может понадобиться лошадь. Она ещё долго держала в поле зрения сначала его фигуру, потом копье, потеряв, в конце концов, из виду в частокле других копий и поднявшейся пыли.

Войско вышли провожать и другие люди из местных жителей и из тех, кто пришёл с ополченцами, оставшись в обозе. Мимо шли и шли ополченцы, скакала конница, ржали лошади, бряцала амуниция, слышался топот копыт и тысяч ног пеших.

Дозорные из передовых отрядов постоянно докладывали наместнику о том, как ведут себя энгорты. Первый день перехода прошёл без особых происшествий, если не считать нескольких стычек с такими же дозорами врага.

О том, что на помощь осаждённому Тафакору идёт войско, энгорты, конечно же, уже давно знали.

Ночь провели, не разбивая лагерь, остановившись в открытом поле. Эрл всё больше и больше убеждался в отсутствии у наместника таланта военачальника.

Тот, окружённый придворной знатью, ставшей таковой из бывших рыбаков, надменно выслушивал доклады подчинённых ему военачальников. Они говорили, что если на такой незащищённый лагерь ночью нападут энгорты, – беды не миновать. Наместник важно кивал и отпускал от себя умудрённых опытом воинов, не давая никаких конкретных указаний, увлекаясь разговорами с приближёнными.

Более разумные нижестоящие военачальники сделали всё, чтобы максимально обезопасить отдыхающее войско: вместо обычных дозоров выставили усиленные караулы, разбив на четыре стражи – то есть каждая стража бодрствовала по два часа. Им приказали не смыкать глаз, а всех всадников в войске заставили не снимать с лошадей седел.

Ночь прошла спокойно, с рассветом все вновь тронулись в путь, выслав вперёд уже усиленные дозоры, так как до Тафакора оставался один переход.

Обширная холмистая пустошь, раскинувшаяся между осаждённым городом и приближающимся войском, стала местом встречи двух армий, закованных в железо. Ожидавшие армию Колмадора энгорты заняли наиболее удобную для себя позицию, построив легионы в нешироком распадке между двух невысоких холмов. Распадок от холмов неспешно спускался вниз. Тем самым энгорты выбрали очень удачное место: теперь войско неприятеля вынуждено будет идти вверх, что очень неудобно для сохранения линии строя. Только единый строй выдерживает удары копий. Только в строю можно надёжно укрыться щитами от туч стрел, сыплющихся смертельным тяжёлым градом. Если строй рассыпался, если потеряно плечо соседа, значит дело плохо. Очень сложно построиться в момент атаки, когда каждый открыт с боков, когда противник идёт сплошной стеной, оцетинившись длинными острыми копьями. В одиночку напора не сдержать, остатки строя вообще рушатся, начинается неорганизованное отступление, а по сути бегство, означающее только одно: сражение проиграно. Тут уже каждый думает о себе, о своей жизни, о том, как спастись от безжалостных преследователей, убивающих и убивающих всех, кого настигнут, а настигают они почти каждого...

Походная колонна колмадорийцев начала разворачиваться в боевой порядок – длинные сплошные пешие шеренги глубиной в двадцать пять шеренг с конницей на обоих флангах.

Каждый воин был вооружён круглым щитом и копьём – сариссой. Только первые пять рядов выставляли копьё вперёд, остальные держали их вверх над плечами впереди стоящих тяжело-вооружённых воинов – гоплитов, защищённых крепкими латами, круглыми щитами, держащимися на локтевом сгибе левой руки, так как сариссу приходилось удерживать двумя руками. Задача остальных заключалась в создании давления. При такой силе и массе удар фаланги был страшен. Она сметала противника с места, растапывая его. Недостаток же заключался в том, что фаланга была малоподвижна, не могла быстро переменить фронт перед лицом неприятеля, и была малоприспособлена для рукопашных схваток.

Построение энгоров осуществлялось легионами, состоящими из тяжёлой и лёгкой пехоты в крепких доспехах, с прямоугольными выгнутыми щитами, вооружёнными копьями, дротиками и короткими мечами. Кавалерия, также облачённая в доспехи, имеющая круглые щиты, была вооружена дротиками и мечами.

Легион насчитывал примерно триста кавалеристов, остальную численность до пяти тысяч составляла пехота, поделённая на располагающиеся в шахматном порядке манипулы по сто воинов в каждой. Недостатком легиона являлась слабость против удара всей фаланги. Преимуществом была манёвренность, способность сражаться на пересечённой местности и в лесу.

Так как Эрл не входил в состав приведённой наместником гвардии, то ему, как и многим другим добровольцам, места в фаланге не нашлось. В их задачу входило прикрытие строя фалангистов: стрельба из луков, метание дротиков, копий, камней из пращей. После этого основной строй фаланги должен был доделать начатое. А уцелевшие воины из прикрытия отходили на фланги.

Построившись в боевой порядок, фаланга и ополченцы двинулись на сближение с врагом. Мерно забухали большие барабаны. Их низкий гул, нагнетая обстановку, поплыл над пустошью, заставляя сердца биться учащённее, тревожнее. Топот десятков тысяч ног и сотен копыт, ржание лошадей, бряцание амуниции, дыхание воинов, а потом и их дружные выкрики, слившиеся в один мощный рёв: «Арх!!! Арх!!! Арх!!!», наполнили местность сгустившимся ощущением скорой кровопролитной резни.

Суровые и спокойные энгорты стояли в молчаливом ожидании. Но вот в ответ забухали их барабаны, своим гулом вплетаясь в общий грохот. Легионы в один голос взревели: «Орро!!! Орро!!! Орро!!!», ударяя обнажёнными мечами в прямоугольные выгнутые щиты. Тяжёлый звон разорвал округу.

Эрл в числе других добровольцев шёл впереди фаланги, разглядывая своих соседей, стараясь понять их настрой на битву, насколько они надёжны. Общее количество добровольцев насчитывало не менее тридцати тысяч. В основном здесь собрались крестьяне, горожане. Они не были профессиональными воинами, но от этого их желание защищать свою страну меньше не стало. Сюда пришли жители разных областей, таких как Тифея, Эмия, Ортида, Линстида. Их одежды говорили о принадлежности пришедших к тем или иным землям Колмадора.

Профессиональных наёмников набралось немного: то ли все уже полегли в прошлых сражениях, то ли в своих скитаниях оказались столь далеко, что не узнали о нападении на Колмадор, то ли просто не успели к началу битвы.

Все наёмники были колмадорийцами по крови. Презрев опасность, они намеренно шли без доспехов и шлемов с одними круглыми щитами и мечами. Обнажённые до пояса испещрённые татуировками сильные тела с часто встречающимися шрамами говорили о том, что эти парни живут войной и место им здесь. Их глаза горели недобрым огнём, а движения были скупы и экономны, как у хищников, вышедших на охоту. Светлые волосы, заплетённые для удобства в косичку, лежали на плечах или между лопаток. Никто из пришедших сюда наёмников, не рассчитывал на вознаграждение, они пришли сражаться за свою родину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.